

Павел КОШЕЛЕВ

Павел Кошелев родился в 1997 году в г. Северодвинске (Архангельская обл.). В 2015 году поступил в Рязанский радиотехнический университет, был отчислен. В 2018 году поступил во ВГИК на сценарно-киноведческий факультет. Публиковался в журналах «Дружба народов» и «Новая Юность». Живет в Москве.

ФРУКТЫ И ФРУКТИКИ

Повесть

Фрукт – неприятный, подозрительный или ненадёжный человек.
(из Викисловаря)

Часть первая

Глава первая (в которой мы толкаем кофе)

На улице можно жопу себе отморозить. И мы морозим, что поделать. Торгаши на рынке «Ивушка» стали несговорчивые.

– Не желаете кофе приобрести? – спрашивает Дантист у очередного.

– Нет, спасибо. Мне ворованное не надо.

– Зубы сломать бы тебе, – бормочет Дантист, и мы идем к следующей палатке.

Зима – благодатный сезон для выноса. Спрятал под пуховик и пошел. А кофе – оптимальный товар. Долго хранится, дорого стоит и занимает мало места. Выносишь – толкаешь – покупаешь то, что не получается вынести: сигареты там или газ.

– Не желаете кофе приобрести? – спрашивает Дантист и встряхивает коричневые гранулы в стеклянной банке.

– Сколько?

– Сто рублей. Хороший кофе, не пожалеете.

– Давай две. Жена любит.

Даем две. Обходим еще несколько палаток. Продают в них разное. В основном, конечно, палёные спортивные костюмы. Но еще маринованные огурцы, игрушки, женское бельё и живую, но уже вонючую рыбу, пойманную в заливе.

Дантист пялится на бельё, а я на игрушки. Нет, я уже года два не играю в них, но по привычке смотрю. Беру с прилавка пластмассового человека-паука. Руки и ноги у него на шарнирах, крутятся во все стороны – это хорошо. Но сзади зачем-то приделан плащ супермена – это всё портит. Кладу обратно.

Дантист тем временем не только на лифаки залипал. Он успел добазариться с продавщицей, толкнул ей целых три банки на перепродажу.

– Приятно иметь с вами дело, – говорит он ей фразу, подсмотренную в каком-то пафосном фильме. – Может, у вас есть особые пожелания? Я могу в следующий раз по заказу что-нибудь принести.

– Детское питание мне надо. Пюре, паштеты. Они дорогие, сволочи.

– Паштеты или дети?

Продавщица смотрит на него, как на полного мудака.

– Шутка. В следующий раз принесу.

И мы уходим. Наконец-то валим с этого вонючего рынка. Кофе продано, пятихат на кармане.

Дантист набирает номер. Выглядит он при этом невероятно важно.

– Мне этот номер Бонг дал, – хвастается Дантист. – Алло. У рынка «Ивушка», на парковку сможешь подъехать? Ага, ждём.

Бонг учится не в нашей школе и живет не в нашем районе. Сам я Бонга ни разу не видел, но слышу о нём почти ежедневно. Многие с Бонгом знакомы, но никто не может назвать его другом. Все говорят, что он очень стильно одевается, виртуозно выносит из магазинов, круто рисует (хотя, кроме нескольких тэгов, лично я ничего не видел) и махается «как мясник». Все хотят быть похожими на него, поэтому все за ним повторяют. Стоило Бонгу написать баллончиком на стене свое прозвище, и город покрылся тэгами так же быстро, как тело покрывается ожогами при пожаре. Стоило Бонгу украсть пару жвачек, и вот уже в отделах с кофе висят предупредительные таблички «вас снимает скрытая камера». Продолжать этот список можно долго. Если что-то делает каждый, значит, первым это сделал Бонг.

Мы заходим в магаз «Диван Диванов», чтобы погреться. К нам тут же подскакивает кадыкастый парнишка с галстуком.

– Вам что-нибудь подсказать?

– На диванах посидеть есть варик?

– Только на тех, что без специальных табличек.

Мы идем вглубь торгового зала, там выбор больше. Консультант тащится за нами, как будто мы собираемся диваны здесь воровать. А что? По школе ведь ходит легенда о том, как однажды Ток умудрился вынести кондиционер, а потом не смог нигде его толкнуть и тупо выбросил посреди улицы. Другое дело, что Ток клептоман и олень, любитель выносить бесполезный хлам ради прикола. Мы не такие. Так что консультант может быть спокоен, но откуда ему об этом знать?

Диванов много, но, как назло, на всех кожаных лежат эти скотские таблички, вернее тетрадные листы, на которых от руки написано, что сидеть нельзя. Мы выбираем простецкий бежевый диванчик.

– Как вам? – интересуется консультант, заложив руки за спину. Ему хочется, чтобы мы поскорее ушли.

– Диван? Охуительно, – говорит Дантист.

Консультант не находит ничего лучше, чем молча уйти. Я бы тоже ничего лучше не придумал.

– Это сын нашей училки по музыке. Мы с Током в прошлом году снежками его закидали, когда он псину свою выгуливал. И под говно пнули пару раз. Надеюсь, он меня не узнал. Хотя какая разница? Я ему зубы сломаю, если начнёт предъявлять.

Мы сидим просто так, молча. Оттаиваем. Зимой слишком долго гулять не получается. Иногда такой дубак, что аж слюни во рту подмерзают, становится трудно говорить и курить. Зима – это время подъездов, подвалов. Но не только. Еще можно завалиться в торговый центр «Северное сияние» или ЦУМ, шляться по разным отделам и коридорам, кое-где вдыхать запах карамельного попкорна. Или сесть на скамейку между этажами и смеяться над проходящими мимо уродами. Если уродов попадаете много, то можно часов шесть там проторчать. Но сейчас мы здесь, в «Диване Диванове», и уродов поблизости нет (кроме, разве что, этого консультанта). Нам и без них хорошо. Это приятно само по себе: сидеть с другом на мягком диване в просторном, теплом, светлом помещении, где играет тихая ненавязчивая музыка. Молча сидеть и ждать, когда приедет барыга.

– Мобилу-то покажешь? – нарушает Дантист молчание.

Протягиваю ему телефон, который родители подогнали на днях. Красная «Нokia» со скошенными краями и ядовитой подсветкой. На нём есть всё, чего мне так не хватало

на предыдущем, с его черно-белым экраном и двумя стандартными играми, пройденными вдоль и поперек.

Повертев мобилу в руках, Дантист говорит:

– Нормальная. Но моя всё равно пизже.

Его «Моторола» тут же звонит, как будто откликается на комплимент хозяина.

– Алло. Ага, сейчас подойду.

И мы выходим из магазина.

Глава вторая

(в которой мы покупаем фруктики)

За те полчаса, что мы там просидели, снаружи успело стемнеть. Тачка барыги слепит нас фарами. Девятка, семёра, восьмёра – не разбираюсь. Какое-то отечественное ведро вишневого цвета. Садимся. Барыгу слегка потряхивает, на бледном лбу выступают крупные капли пота.

– «Айс», «Эйфория», «Фруктики».

– Давай фруктики. Полку.

– А этот глазастый чё, тоже будет? – спрашивает он про меня, сидящего на заднем.

– Может, и будет, тебе-то что?

– Да ебанись, он же совсем малой ещё.

– На два класса младше меня всего лишь, нормальный.

– Ладно, смотри сам. С тебя пятихат.

Дантист отдаёт ему деньги, забирает фруктики. Мы выходим из тачки, и она моментально уезжает, резво выруливая между ямами.

– Это прушный микс, – рассказывает Дантист на ходу. – Его Крюгер себе на днюху брал. Мы на катке, на стадионе «Север» удулись в сопли. Лежали в сугробах убитые. И у нас прямо перед глазами разноцветные фруктики плыли и подмигивали. Мультишные такие, как в игровых автоматах.

Звучит интересно. Хочется тоже позырить на фруктики эти.

– А потом мы сидели там в кафетерии. А в этом кафетерии, знаешь, по телику вечно советский мультик про хоккеистов крутят? Ты полюбэ его видел, просто не помнишь. Короче, не суть. Мы смотрели на этих хоккеистов, и нам казалось, что мы с ними вместе играем. Крутой этот микс, вот я к чему говорю.

Мы идем в сторону Муравейника. Так называется один особенный дом у нас на районе. Самый высокий в городе: его южная часть достигает 16-ти этажей. Изломанный, как змея, попавшая под колеса. Длинный настолько, что занимает сразу два адреса. Тридцать входных дверей. Пятнадцать скрипучих медленных лифтов. Темные коридоры. Визгливое эхо. Тайные этажи, чердаки и подвалы. Стены, на которых уже почти нет свободного места для тэга. Толпы странных типов, мы в том числе. Использованные шприцы и бездомные кошки. Всё это – Муравейник. Когда-то он был построен по специальному проекту, чтобы в нем жили лучшие работники завода. Проектировщики не смогли бы даже представить себе, в какое легендарное чудовище он превратится.

Первым делом заходим в аптеку. Пахнет бинтами и хлоркой.

– Зачем вам пипетка? – спрашивает аптекарша. – Наркотики курить?

– Капли в нос капать. От соплей. Какие, кстати, посоветуете?

– Не похоже, что у вас насморк.

– Тебя волновать не должно. Пипетку давай.

– А ну пошёл отсюда, пока я в милицию не позвонила!

Аптекарша старой закалки, жёсткая. Выходим ни с чем.

– Вот ведь шалава ебучая, – говорит Дантист. – Бонг предупреждал, что надо стараться в нос говорить, но я-то думал, что он прикалывается.

Осенью нашу школу накрыла «миксовая» волна. Один чел докурился до того, что попал в дурку. Приехали репортеры, съемочная группа с областного телеканала, стали брать интервью у его одноклассника по прозвищу Джеймс. Интервью решили взять именно у него, потому что выглядит он, что называется, презентабельно, ходит всегда в пиджаке. Из-за этого его так и прозвали – Джеймс, в честь Бонда. «Этот малый подаст юным зрителям положительный пример», – подумали репортеры.

– Как вы относитесь к наркотикам? – спросили репортеры у Джеймса.

– Плохо, – ответил Джеймс репортерам.

– А почему? – спросили репортеры у Джеймса.

– Потому что они дорогие, – ответил Джеймс.

После этого всё с нашей школой окончательно стало понятно. Репортеры с областного телеканала уехали и больше не возвращались. Примерно тогда же в рамках проекта по борьбе с подростковой наркоманией по аптечным сетям пробежал неофициальный указ, после которого купить пипетку стало совсем не просто.

– Не думал, что до такого дойдёт, – продолжает возмущаться Дантист и сочно харкает в снег, нервно закуривает. – Ладно сиги не продают – понимаю. Но тут-то что? Это же просто стекляшка в пластмасске!

Мы высматриваем, у кого бы попросить нам купить. Люди идут в шапках и капюшонах со своих работ. Они уставшие и голодные, им холодно, им совершенно не до того.

Нам часто приходится просить какого-нибудь мужика купить сигарет. И в этом есть свои тонкости. Мужик должен быть не слишком старый, потому что старый точно откажется. Но и не слишком молодой, потому что молодой может обмануть: взять бабки и свалить. Мужик не должен быть слишком хорошо одетый – такой мало того, что откажется, так еще и посмотрит как на говно. Но и совсем опустившимся мужик тоже не должен быть – мозги у таких мужиков не фурычат – попросишь, допустим, «Бонд», он десять раз переспросит название, а потом всё равно по дороге забудет и принесет тебе какую-нибудь парашу: «Тройку» там или «Арктику». Ещё очень важно понять, курит ли мужик сам. Самый верный способ – это, конечно, увидеть его с сигаретой. Далее неплохо бы попытаться угадать, в каком возрасте мужик начал курить. Если рано, то сам он когда-то сталкивался с такими же трудностями, и поэтому согласится наверняка. Птичка в клетке, пачка в кармане. Но эта теория работает только с сигами. Как быть с пипетками, не знает пока никто.

– Извините, вы не могли бы...

– Пошёл на хуй! – отвечает какой-то козёл, даже не дослушав.

– Зубы сломаю... – произносит Дантист негромко, так, чтобы козёл не услышал. У нас на кармане фруктики, и проблемы нам сейчас ни к чему.

Людей становится больше и больше. Работяги прут с завода. Но и не только они. Вот женщина с осветленными волосами, в короткой кожаной дубленке, на каблуках. Как раз к аптеке подходит.

– Извините, – говорит Дантист и шмыгает носом. – Можно вас попросить, – снова шмыгает, – купить пипетку и капли от насморка, – шмыгает дважды. – Нам не продают, – шмыгает особенно глубоко. – Из-за нариков всяких.

Женщина смотрит на него оценивающе. Дантист протягивает полтос:

– Вот деньги.

– Оставь себе. Жди тут.

Голос у нее с хрипотцой. Она, покачивая бёдрами, скрывается за аптечной дверью. Дантист говорит восхищенно:

– Ты видел, какая жопа? Почти как у нашей директрисы!

А по-моему, жопы у них обеих огромные, как у кобыл. Нечем тут восхищаться.

– Ничего ты не понимаешь. Ты реально малой ещё, подрастешь и заценишь.

В средней школе два года – это огромная разница. Особенно если учесть, что даже среди своих-то одноклассников я не первый по этим делам. У меня ещё даже голос ломаться не начал толком.

Женщина выходит из аптеки. Протягивает Дантисту пипетку и капли.

– Если у тебя действительно насморк, то выздоравливай. А если насморка нет, то мой вам совет: кончайте с этим, ребят.

На слове «кончайте» Дантист издаёт детсадовский смешок. И это ещё я «малой», ну-ну. Женщина уходит.

– Извините, – окликает ее Дантист, – может, мы с вами сходим куда-нибудь?

Она смотрит на него с искренним недоумением.

– Куда?

– Ну там... Я и вы, в смысле. Вдвоем. На свидание типа.

Женщина ничего не отвечает. Только ухмыляется, поправляет причёску и идёт куда шла, виляя задом ещё сильнее.

– Она меня хочет, ты видел? Она меня хочет, – говорит мне Дантист и дёргает за плечо. – Постеснялась при тебе соглашаться просто. Или ломается.

Через пару минут про эту женщину он уже забывает. Ищет взглядом новую, но жоп не видно: все ходят в шубах или в пальто до колен.

– Ненавижу эти зимы, которые по шесть месяцев длятся, – говорит Дантист без особой грусти. Потому что нет у него поводов грустить. Потому что на кармане у него, напомним, полграмма фруктиков. И пипетка. И флакон с каплями от насморка, который он прямо на ходу выкидывает в ближайший сугроб. Мы шагаем к одной из тридцати дверей Муравейника. В арках ветрено. Наши душные куртки раздуваются, как целлофановые паруса.

Глава третья

(в которой мы играем в «Голую сотню»)

Нужная нам дверь ведет в подвал.

– Ты им сразу только не говори, что у нас с собой фруктики, – предупреждает меня Дантист. – Сюрприз замутим.

Он несколько раз долбит по двери ногой.

– Кто там?

– Бабка с дедкой твои. Открывай.

Ток открывает. Внешне он похож на рэпера Эминема, только более круглолицый и с оранжевыми язвами в углах губ. Говорит, это оттого, что жрёт много острого, но на самом деле он вообще почти не жрёт – хоть острого, хоть какого.

Ток, освещая фонариком коридор, ведет нас направо, в так называемую комнату отдыха. Идем друг за другом, слегка пригнувшись. Пахнет гнилью и краской. С потолка свисают куски грязной марли, сбоку чернеют горячие трубы.

– Ты у «Ивушки» давно был?

– Ну так, давненько, – врёт Дантист. Видимо, чтобы сюрприз не портить.

– Надо будет сгонять. У меня «Нескафе» восемь банок еще.

Ток нещадно выносит всё, что попадает под руку. В этом он хорош. Началось это два года назад, когда от него свалила мать. Он говорит, что мать его не бросила, а просто временно уехала на заработки в Украину. Понятное дело, что гонит: какие в Украине могут быть заработки? Наверное, к мужику поехала и забила. И ни в какой не в Украине, а где-нибудь здесь, в Архангельске, например. Спихнула сына на своих стариков. Ток, чтобы поменьше с ними видеться, много времени проводит в подвале, знает здесь каждую крысу.

Заходим в комнату отдыха. Просторный квадратный зал. Даже встать можно в полный рост, но попрыгать не выйдет. Под потолком болтается лампочка. Ничем не воняет почти.

У дальней стенки на бетонном выступе сидит Крюгер. Лицо у Крюгера вечно красное, с кучей вмятин от выдавленных прыщей. Сам он низкий, даже ниже меня, но самый старший при этом. И плечи у него широченные: чуть ли не с весь его рост.

Крюгер здоровается с Дантистом за руку, со мной тоже, но неохотно. Протягивает Дантисту бутылку «Марти Рэя». Он прикладывается, кривит рожу.

– Нахуй кофейный взяли?

– Ты у этого бомжары спроси, – имеет он в виду Тока. – Я ему сказал вынести какой угодно, кроме кофейного, а он именно кофейный вынес.

Ток у Крюгера что-то вроде шестёрки. Делает всё, что тот попросит. В основном таскает ему бухло и шмотки. А Крюгер его защищает за это, хотя иногда может и сам отдубасить, чисто под настроение. Сам Крюгер выносом не занимается, ему впадлу.

– Кстати, куда он пропал? Ток!

– Ща приду, – доносится откуда-то из коридора.

– Ты чё там застрял, наяриваешь? – кричит ему Дантист.

– Завали ебало свое утиное! – отвечает Ток раздраженно. Он нервный тип. У него с психикой что-то не то. Хотя у кого «то»? Я даже не знаю. У меня одного, наверное, да и это вряд ли уже.

Ток возвращается в комнату отдыха с футбольным мячом. Мяч немного обвислый, но в целом еще ничего.

– Сыграем в «Голую сотню»?

Эту подвальную игру я знаю. Правила простые. Участники раздеваются до трусов и по очереди чеканят мяч. Кто набирает сотню – выбывает из игры. Последний считается проигравшим. Он должен снять трусы и три раза пробежать по подвалу из одного конца в другой, а затем запрыгнуть в гору стекловаты, которая лежит в конце коридора.

– Ну ты камикадзе, конечно, – говорит Дантист, снимая футболку.

На первое место Ток не рассчитывает. Разве что на третье. Он соревнуется здесь только со мной. Хочет сделать меня проигравшим. Немного ссыкую, но отказываться от игры не вариант. Раздеваюсь вместе со всеми. Наши полуголые тени на бетонных стенах похожи на инопланетных великанов. Сочетание трусов и огромных зимних ботинок смотрится туповато. Дантист тощий, Ток рыхлый и бледный, Крюгер – с кубиками пресса и волосатой грудью. Он начинает первым.

Чеканит уверенно и технично. Счёт переваливает за тридцать. Сразу понятно, что Крюгер всех надерет. Он играет за нашу школу в соревнованиях по футболу. Нападающим, причем. И вообще, он капитан команды. Дантист тоже за школу играет, но в полузащите. В итоге они оба справляются за три захода, а мы с Током на дне турнирной таблицы дрыгаемся, как жабы в притче про масло и молоко. Лишь бы не занять последнее место, лишь бы не бегать тут без трусов, лишь бы не прыгать в стекловату! Мяч летает по подвалу, выбивает эхо из стен.

– Шлюха потная! – кричит Ток на мяч каждый раз, когда тот после трех-четырех чеканок перестает ему подчиняться.

Игра обещает быть долгой, так что Дантист и Крюгер спокойно уселись, глушат из полторахи, не обращают на нас внимания даже.

– Надо на зимнем турнире надрать этих долбоящеров из тридцатой.

– Да нормальные они пацаны. Но надрать надо, согласен.

– Бонга на матч позову. Заценит, как они опозорятся.

– Ага, заняться Бонгу больше нечем.

Всё в таком духе.

Мы с Током медленно подбираемся к отметке восемьдесят пять. Финишная прямая. Оба уже порядком устали, вспотели, да и просто надоело в одних трусах тут гонять.

Моя очередь. Я чеканю. Мне удастся поймать ритм, сосредоточиться на мяче. Пацаны даже отвлекаются от разговора. Восемь, девять... Еще немного и есть! Начеканил семнадцать, побил свой личный рекорд. Сто два получается в сумме, с запасиком даже, не подкопаться. Дантист аплодирует мне. Крюгер реагирует прохладно. Видно, что он болел за Тока – все-таки Ток ему друг, хоть и чисто на побегушках. Но игра есть игра, а проигравший есть проигравший.

– Ну чё, проёбщик, снимай труселя, – говорит Крюгер.

Ток вяло бормочет что-то, но раздевается и, голый, идёт в коридор. Там он бежит как положено. В дверном проёме сверкает его бледный зад.

– Давай, давай! Вприпрыжку!

– И до конца добегай, до стенки! Слышу, что халтуришь!

Честно пробежав дистанцию, Ток возвращается в комнату отдыха.

– Довольны? – сипит он с нехилой одышкой.

– Довольны ли мы? Нет, мы не довольны.

– Слушай, не надо, братан, – говорит Ток жалобно. Он сразу прохавал, что именно хочет от него Крюгер.

– Правила есть правила. В стекловату погнал!

– Да пошел ты на хуй со своей стекловатой! – яростно огрызается Ток. С ним такое бывает, и в этом его проблема. Драться он не умеет из-за большого сердца и слабого характера, но нарываясь при этом за четверых бугаёв. Ему из-за этого часто прилетает. Я вот драться тоже умею плохо, но при этом не бычу ни на кого, вот меня и не трогают. Иногда, конечно, бывает, но не сильно, в шутку скорее.

Крюгер встает и технично бьёт Тока в дыхло. Залупаться на Крюгера – это реально суицидником поехавшим надо быть. Из-за того, что Ток без одежды, удар звучит сочно, почти как в боевиках с Брюсом Ли. Падает на карачки. Току еще повезло, что Крюгер нормально к нему относится. Кого-нибудь другого он в кашу бы отхерачил.

– Куда, говоришь? На хуй? – спрашивает Крюгер, наклонившись над ним.

– Ладно, можно, наверное, без стекловаты, – робко вступается Дантист. – Так-то какая нам разница? Побегал голый и норм.

– Хуй там ночевал! Он пацан или баба?

Крюгер берёт Тока сзади за шею и, как обоссанного котенка, тащит в коридор. Ток пытается вырваться, выглядит это жалко. У Крюгера есть что-то типа садистских наклонностей. Ему каждый день обязательно нужно кого-нибудь отмудохать, заставить сделать что-нибудь стыдное или, вот, тащить куда-нибудь, а лучше всё и сразу. Недавно он на большой перемене закинул Чокопая в мусорный контейнер и не давал оттуда выбраться. При этом снимал всё на камеру и ржал. Повторял «Купайся там, купайся!». Почему? Да просто так, захотелось. Чокопая повезло, что из-за сильного мороза мусор в контейнере не вонял и не гнил.

– Пидор, отпусти! – вопит Ток.

Хорошенько двинув дополнительно за «пидора», Крюгер упорно тащит его дальше. Дотащив до стекловаты, он толкает в нее Тока и пинает для ускорения под зад.

– Весь день теперь чесаться будет, – говорит он с усмешкой, вернувшись в комнату отдыха.

Из тёмного коридора слышится шорох и всхлипы. Дантисту немного жалко его, я знаю. Но он никому об этом не скажет, он ведь не идиот.

– Слышь, не ной там, ныкло! – кричит Крюгер. – Иначе ещё получишь.

– Внатуре не ной, – добавляет Дантист и подмигивает мне. – Для проигравших у нас есть утешительный приз!

Ток притихает.

– Какой ещё приз? – осторожно спрашивает он из коридора.

– Фруктики называется.

Глава четвертая (в которой я пробую фруктики)

Запах совсем не фруктовый. Воняет так, будто какой-то умник подпалил потный носок.

Ток сидит в позе лотоса с закрытыми глазами и блаженно улыбается, как индийский даун-буддист. Я знаю, как выглядят индийские дауны. У нас в городе много индусов – они сотрудничают с заводом. Правда, не знаю, буддисты они или нет.

– Итак, мы порежем лучок, – говорит Ток не своим, чересчур ласковым голосом и изображает кулинарную пантомиму. – Затем мелко покрошим морковку, чтобы наш супчик получился более наваристым, так сказать, ароматным...

– Какой супчик? Что ты несёшь? – выдавливает Крюгер сквозь смех.

Они с Дантистом рыдают от хохота. Смотрят друг на друга – угорают, смотрят на Тока – угорают ещё сильнее.

– Всё самое лучшее для гостей на нашей замечательной программе «Смак», – продолжает Ток. На этих словах он отвлекается, чтобы почесать зад, стекловата даёт о себе знать. – Затем добавим несколько листиков лаврового листа...

– Листиков лаврового листа, ты прикинь!

Они снова ржут, но быстро устают от этого и залипают. Переходят на вялый тупняк.

– Может, пучеглазого накурим? – предлагает Крюгер, – Чё он просто так сидит?

– А это идея. Барыга про него, кстати, спрашивал, – вспоминает Дантист. – Будешь?

Стоит мне только пожать плечами, как все оживляются, вскакивают со своих мест и обступают меня с трех сторон. Спорят, потом соглашаются, снова спорят.

– Он же газ вовсю пьет уже!

– И «Страйк».

– Всё равно как-то стрёмно это...

– Ну малой и малой, чё такого?

– Давайте накурим, ладно.

– Уверен?

– Нет.

– Может, с Бонгом стоит посоветоваться?

– Да хорош, погнали приколемся.

Мне любопытно, хоть и слегка тревожно. Внимательно слушаю наставления:

– Главное – не перекурить.

– Главное – не загоняться, что перекуришь.

– А если перекурил, то главное – не загоняться, что перекурил.

– Не слушай его, всё будет норм.

Возле кончика пипетки желтеет огонёк зажигалки. Другой конец пипетки как бы впаян в половинку пластикового футляра, которая служит мундштуком. Делаю среднюю тягу. Пацаны издают возбужденные возгласы типа «во-о-о-о-о». Я задерживаю дым, жду.

– Да всё, хорош, выдыхай! – говорит Дантист, и я слышу в его голосе беспокойство.

Выпускаю ядовитое облачко.

– Ну, как ощущения? – спрашивает Ток и тычет мне фак в лицо. – Сколько пальцев видишь?

– Какие через секунду могут быть ощущения? Отъебись от него!

Их действительно нет. Ощущений, в смысле.

У Дантиста звонит телефон.

– Алло. Да, мы тут. А как угадал? Приходите, конечно, – кладет трубу. – Пацаны скоро подвалят. Встретишь? – спрашивает у Тока.

– Какие пацаны? – уточняет Ток слегка испуганно.

– Наши.

– А какие именно?

– Ты чё докопался? Придут – увидишь.

– Он ссыкло, – провоцирует Крюгер. – У него очко играет. Да, Ток?

Ток хочет уже огрызнуться, но в последний момент себя сдерживает. Он в прямом смысле слова проглатывает слова, подкатившие к горлу. Видно, как его кадык двигается под кожей вниз, а затем вверх.

И тут я понимаю, что это не сон.

Началось.

Накрыло.

Знакомый эффект. Как от газа, только мощнее. Под газом имеется в виду тот, что для заправки зажигалок. Он продается в специальных баллончиках, которые сделаны так, будто заправка зажигалок – всего лишь прикрытие: на пластмассовом наконечнике есть специальный выступ, нужно упереться в него зубами и надавить. Действует газ на всех по-разному. Лично у меня появляется стойкое ощущение, что я смотрю сон. Потом вдруг отрываюсь, вспоминаю себя, держусь на поверхности секунд десять и снова вижу сон.

От фруктиков в целом эффект такой же, но с дополнениями. Пространство мелко вибрирует. Лица пацанов кажутся ненастоящими. Мне вдруг ужасно хочется потрогать себя за щеки, и я тут же делаю это. Мне кажется, что это не мои щеки. Мне кажется, что я чужими руками трогаю чужие щеки. Манекена какого-нибудь или резиновой куклы. Я трогаю щеки Дантиста, они точно такие же, только более шершавые из-за щетины.

– Нихуя ты укурюк, – говорит Дантист, и его лицо выплывает из моих рук назад.

Слова Дантиста и смех пацанов доходят до меня с опозданием. То есть слышу я их сразу, но осознаю услышанное гораздо позже, чем обычно. Настолько позже, что даже возникают сомнения: слышал ли я это на самом деле или просто себе придумал?

Неожиданно подступает жажда, дикая сухость во рту. У меня пропала слюна. Даже если я ватным своим языком соскребу всё что есть и попробую выплюнуть – наружу выйдет только воздух, сухой и горячий, как в пустыне. Чья-то рука мне протягивает бутылку, почти пустую.

– Да не надо сейчас, ты чё? – слышу я голос и не могу его опознать.

– Пусть сушняк немного собьет. Больше нечем.

– Один глоток сделай, не больше, иначе херово будет, – говорит мне Дантист прямо в ухо.

Глоток. Мерзкий кофейный вкус. Но теперь хоть немного влаги. Через секунду она пропадает, как капля с горячей сковороды. Стараюсь слегка успокоиться. Закрываю глаза. На секунду вспыхивает стоп-кадр: железная дорога, трансформатор с оборванным проводом, качающимся как маятник. И собака бежит куда-то по шпалам. Откуда это взялось? Открываю глаза.

– Всё в порядке, – говорит мне Дантист. – Слышь, всё нормально.

Из коридора доносится шум, голоса. Ток возвращается в комнату. А я и не заметил, чтобы он выходил. Следом за ним заходят Чокопай и Дядя Якудзы почему-то без самого Якудзы. Они останавливаются напротив меня. Дядя Якудзы уже с трудом держится на ногах. Низкорослый толстяк, он напоминает гибрид пингвина и поросёнка.

– Всё нормально? – весело спрашивает он. Голос писклявый, плохо соответствует внешности.

Киваю, но не уверен на самом деле или только мысленно.

– Нормально-нормально, – отвечает Дантист за меня.

Чокопай угощает булкой, посыпанной ярким сахаром. Отламываю кусок и долго пытаюсь его прожевать, но из-за сушняка он прямо во рту превращается обратно в вязкое тесто. Незаметно выплевываю липкий комок себе в руку и прячу в карман.

Пипетка двигается по кругу. Все говорят громко и одновременно. Варевое из голосов. Меня слегка попускает на моменте, когда Дядя Якудзы выпучивает, насколько может, свои узкие глаза и возмущается:

– Люди от этого дохнут! Желудки отказывают, сердца! Ладно мы ещё курили дичку в девяностых, когда в армии в Казахстане служили, но это... Это же трэш!

Тем не менее, когда пипетка доходит до него, Дядя Якудзы, не задумываясь, делает очень мощный напас и обильно запивает его пивом «Большая кружка», хотя ему уже явно хватит.

У меня вибрирует телефон. Это мама. Почему-то мне вспоминается, как она иногда покупает фрукты, моет их под струей холодной воды и говорит, что у нас тут на севере авитаминоз и «фруктики надо почаще кушать». Неуместное какое-то воспоминание. Я встаю, чтобы выйти в коридор и ответить на её звонок, но Дантист меня вовремя останавливает.

– Лучше сбрось и поставь на беззвучный. Это тебе только кажется, что отпустило. Оно волнами забирает.

Дантист отводит меня на место, и действительно начинается новый приход, только немного другой. Время ускорилося. Я замечаю, что вокруг настоящий зверинец, у всех сорвало колпаки. Ток запустил новую серию своей упоротой программы «Смак», но никто не обращает на него внимания, а его это уже не волнует. Дантист проверяет, сколько секунд он может продержатъ руку над зажигалкой. Чокопай зачитывает безумный фристайл под битбокс от Крюгера. Еле шевеля своими вечно слюнявыми губами, он повторяет в бессвязном порядке одни и те же слова и фразы:

– Меня качает... качает... я не понимаю... эти дома... прости меня мама... эти дворы... думаю о тебе одной... моя любимая... я скучаю... моя крошка... хочу, чтобы мы с тобой унеслись наверх... эти машины... фары... крошка... эти дома...

– Я тут всем ща пизды наебашу! – перекрикивает его Дядя Якудзы в окончательном невменозе и сразу же вырубається. Заметив это, все понимают, что пора сходить подышать.

– Берите его под руки, – командует Крюгер. – Главное, не уроните, а то запаримся такую тушу поднимать.

Мы вываливаемся на улицу. Глотаю морозный воздух. Тихо падает снег. Дядя Якудзы вдруг просыпается, широко разевает рот и смеется непонятно чему.

– Заткнись, а то зубы сломаю.

Дядя Якудзы вырубається снова. Мы тащим его на баскетбольную площадку, под луч фонаря. Усаживаем на снег. Он сидит, как панда, выставив ноги вперед и облокотившись на свой живот. Крюгер херачит ему пощечины.

– Просыпайся, давай! Просыпайся, слышишь?

Дядя Якудзы не просыпается. Только вздрагивает и мычит.

– Якудзу надо найти. Пусть сам разбирается.

– Он в игровых автоматах, наверное, – говорит Чокопай. – Каждый вечер там висает почти. Но идти дотуда прилично.

– Давайте отдохнем немного, – предлагает Дантист.

На холоде меня попускает. Остальных тоже. Кроме, разве что, Тока. Он по-прежнему сидит с закрытыми глазами и лыбится, только теперь на снегу. Чокопай ложится и «рисует» руками и ногами снежного ангела. Дантист следует его примеру. Крюгер набыченно курит.

– Вот пидорас жирный! – говорит он и пинает Дядю Якудзы в живот. – Больше не будем его в подвал пускать. Нахуй надо!

Я запрокидываю голову и высовываю язык – ловлю снежинки, спасаюсь от сушняка. Помогает. Бледный свет фонаря ползет мне за шиворот и в лицо.

Глава пятая
(в которой мы находим Якудзу)

Якудзу мы замечаем сразу. Он вальяжно сидит на высоком барном стуле, но его ноги настолько длинные, что они всё равно достают до пола. Их длина подчёркивается худобой, а худоба — джинсами-узками. В углу потрескавшихся губ дымится тонкая сигарета. Якудза бьёт по кнопкам автомата небрежно, со стилем. На дисплее прокручиваются знаки. Вишенки, доллары, цифры. Они складываются в комбинации, которых всегда недостаточно, чтобы получить ощутимый выигрыш.

— Пиздоглазый! — кричит Чокопай через весь зал. — Ха-ха, повернулся.

По правде сказать, повернулись практически все, вне зависимости от разреза глаз. Все — это несколько помятых мужиков, одна старуха и одна тётка с беременным животом. Контингент в автоматах всегда неожиданный.

Подходим к Якудзе.

— За базар мне ответишь щас, хач тупорылый! — говорит он и замахивается на Чокопая. — Ах... Если бы не моя рука...

Якудза ломал правую кисть уже раза четыре. Врачи сказали ему, что ещё один перелом в том же месте — и кость может больше никогда не срастись. С тех пор он ни с кем не дерётся, а Чокопай этим пользуется, не упускает ни единой возможности его позлить.

— Дядя твой в отрубе полным, — начинает Крюгер без предисловий. — У входа там, на диванчике отдыхает. В зал его не пустили. Ток его, если что, сторожит.

— Хотя скорее они с Током друг друга там сторожат, — подмечает Дантист.

— Нажрался, да?

— И накурился ещё.

— Как накурился?! — вскрикивает Якудза и даже встает со стула.

С соседних мест на нас оглядываются игроки. Тощий охранник в конце зала вытягивает и без того длинную шею.

— Как накурился? — повторяет Якудза шёпотом.

Чокопай деловито садится на его место. Достает из кармана мелочь.

— Ну вот так, — отвечает Дантист виновато. — Накурил я его.

— Ты чё?! Он же алкаш! Его нельзя накуривать! Он до утра не очухается теперь!

— Мы тебе поможем его домой дотащить.

— Домой? Не, домой нельзя. Мать сказала, что выгонит его, если он ещё раз придёт никакущий. Не, домой нельзя.

Мать Якудзы работает одна, содержит всю семью. То есть сына (Якудзу), совсем еще мелкую дочь (сестру Якудзы) и брата (Дядю Якудзы). Дядя Якудзы с утра до вечера топчется возле магазинов, глушит с бичами пивас и клюквенную настойку непонятно за чей счёт. Иногда он устраивается куда-нибудь поработать, но его оттуда прут в тот же день. Теперь вот из дома ещё выгнать могут.

— А тебе не похуй? — спрашивает Крюгер, прищурившись. — Выгонит и выгонит. Места больше будет.

— Ебанись, это ж дядя мой. И куда он пойдет, по-твоему? Холодно же.

Якудза совестливый. Не так чтобы слишком, но базовые понятия у него есть. Семья, справедливость. Может даже ещё какие-нибудь.

— Ну и хули ты предлагаешь? — спрашивает Крюгер, выйдя из себя. — Твой дядя — ты и разгребай.

— Я его не накуривал.

– Давайте что-то придумаем, – говорит Дантист. – До утра он в себя не придет, я правильно говорю? Правильно. Значит, нужно, чтобы он переночевал где-нибудь, вот и всё.

– Если ты на подвал намекаешь, то сразу нет. В подвал я этого уебана больше не пушу.

– А с каких пор ты решаешь? – возмущается Якудза.

– С таких. За подвалом следит Ток, а за Током слежу я. Так что не пизди тут. В подвал он больше не придёт. И точка.

Всем понятно, что спорить не стоит. Если уж Крюгер упёрся рогом, то переубедить его бесполезно и даже опасно.

Дантист и протягивает раскрытую пачку сигарет. Все берут по одной, кроме Якудзы – у него свои, дамские. Все курят и думают напряжённо. Один только Чокопай беззаботно играет на автомате. Играет он совсем по-другому, не так, как Якудза. В игре Якудзы есть стиль и пафос, а в игре Чокопая – только азарт и тупизна. Он судорожно спускает монеты и следит за комбинациями, склонившись к автомату почти вплотную. Когда игра не прёт, он плюёт от досады на пол и быстро оглядывается на охранника, чтоб убедиться, что тот не заметил.

– Потасили его к Золотым, на сквот, – предлагает Якудза.

– Обратно в Муравейник? Да ещё к этим-то мудозвонам?

– А что, есть варианты получше? – спрашивает Якудза с очевидным намёком на подвал.

Крюгер делает несколько тяг подряд, выпуская дым через нос. Нос у него вздёрнутый и короткий. Дым вылетает из ноздрей двумя плотными столбами.

– Окей, потасили к мудозвонам, – говорит Крюгер и гасит бычок о стену, высекая из него искры, хорошо заметные в темноте.

– Слышь! Об голову себе затуши! – кричит тощий охранник из другого конца зала.

Мы идем к выходу. Проходя мимо охранника, Крюгер резким движением бьёт ему точно в челюсть. Ноги у охранника заплетаются, он падает на пол.

– На, нахуй. Затушил.

Держась за стену, охранник пытается встать, но снова плывёт и падает. Это нокаут.

– Вы видели? – восхищенно округляет глаза Чокопай. – Нет, ну вы видели? С одного удара! Прямо как Бонг!

Глава шестая

(в которой Крюгер пытается присвоить себе жилплощадь)

Фруктики окончательно меня отпустили. Дядю Якудзы мы тащим втроём. Мы с Чокопаем под руки, Якудза придерживает за ноги, сзади. Нашими силами Дядя Якудзы парит как ангел. Очень тяжёлый ангел, надо сказать. Сидя на том диванчике, он как будто набрал пару лишних центнеров. Ещё и снегопад усилился. И ветер поднялся. Снежинки летят прямо в лицо, заставляют щуриться. Иногда нас с Чокопаем подменяют Дантист и Ток. Крюгер – единственный, кто не участвует, но возмущается при этом сильнее всех. Он, конечно, выпустил пар, когда охранника вырубил, но уже успел заново обозлиться. Раздувает ноздри свои по-бычьему.

– А знаете чё? Мы ща придем и наебашим их. Заберём себе эту хату. Пусть валят обратно к себе в «Золотой».

«Золотой» – это заброшенный детский сад неподалёку от 30-й школы. Пацаны его оккупировали и назвали себя «Golden Crew», или «Золотые». Менты какое-то время гоняли их, а потом смирились, забили – все равно место гиблое, уже изрисованное баллонами намертво. По факту парни присвоили территорию. На законодательном уровне

это, конечно, не закреплено, но кому вообще всрался законодательный уровень? В практическом смысле они там полноправные хозяева.

– Да ты гонишь, что ли? Они же наши друзья.

Недавно Чикен и Лобстер – два пацана из «Золотого» – гуляли по Муравейнику и обнаружили странную дверь на одной из лестниц. Оказалось, что дверь эта ведет в пустую двухкомнатную хату. Причём находится она в том месте, где квартир не бывает в принципе. Эти двое удивились, конечно же, но не сильно – Муравейник и не такие сюрпризы подкидывает. Разумеется, они сразу же натаскали туда старой мебели с помоек, купили амбарный замок и огромный шпингалет, прикрутили всё это, и получился реальный сквот, полноценная квартира фактически.

– Что, зассали? Не хотите вписываться – не вписывайтесь. Сам отожду.

Заселились они туда в тот же день. Крюгер с того самого дня считает, что нужно прогнать их с нашей территории. Проблема вся в том, что Муравейник – это никакая не наша территория, было бы слишком жирно. Это просто жилой дом, который чуть ближе к нашей школе, чем к 30-й. Но Золотые могут спокойно тусить в «Золотом», а нас из наших подвалов регулярно гоняют ЖЭУшники. Да и, в конце концов, на десятом этаже гораздо круче, чем под землей.

И вот мы опять в Муравейнике. Стучим в железную дверь.

– Кто там?

– Свои.

– Какие именно свои? – спрашивает Чикен из-за двери.

– Зубы сломаю, открывай, – говорит Дантист, и сразу становится понятно, какие именно.

Дверь открывается. Комната освещена многочисленными свечами, расставленными в разных местах.

Чикен похож на карлика, который каким-то образом вырос, но остался карликом. Его ноги кажутся более короткими, чем туловище. Пальцы тоже короткие и широкие, как будто обрубленные. Голова расширяется сверху вниз: от бритой макушки к массивной, выпяченной вперед челюсти. Очевидно, что прозвище ему дали за то, что он с виду нелепый как курица, но Чикен упорно эту версию отрицает. Новым знакомым он вешает лапшу, что придумал себе это прозвище, когда прочитал свое имя «Никич» задом наперёд.

Заходим, здороваемся, объясняем всю ситуацию.

– Короче, сможете дядю моего вписать на ночь?

– Да без проблем, – отвечает Лобстер. – Даже матрас есть свободный.

Лобстер сидит в кресле, запрокинув ноги на тумбочку. Листает потёртый порнушный журнал. Лобстером его прозвали за большой лоб, хотя вообще-то у него не только лоб, у него вся голова большая, но мозгов там немного. Лобстер недалёкий, но борзый, как все Золотые.

Дядю Якудзы мы валим на живот. Он лежит, вжавшись рылом в матрас. Якудза встряхивает уставшие руки и садится прямо ему на спину. Дядя издает звук, напоминающий смесь икоты с отрыжкой и хрюканьем.

Теперь можно и осмотреться. На стенах вразнобой приклеены плакаты: голые женщины, 50 cent, Eminem, «Многоточие», «Каста», «Amatory», «GTA: San Andreas». Поверх плакатов дрожат широкие тени. Повсюду огоньки свечей. В дальнем конце помещения – дверной проем, ведущий в ещё одну комнату. Он завешен старым покрывалом.

– Ну чё, как живете-то тут вообще? – спрашивает Дантист.

– Да шикарно живем, – говорит Чикен, обнажает в улыбке зубы и огромные щели между ними. – Только электричества нет, как видишь. Плохо, что чаю попить нельзя. Ну и света нет, соответственно. Приходится свечками спасаться.

– А где берёте их?

– Выносим из церквей, – невозмутимо отвечает Лобстер, глядя в порножурнал.

– Ебать, ну вы и варвары.
Все угорают с этого. Один только Крюгер сурово смотрит в окно.
– Ну ничего, – говорит Дантист, когда смех утихает, – зато обстановка интимная. Тёлок-то водите?
– Пока не успели. Но планируем. Планируем, конечно.
Чикен мечтательно потирает ладони. Дантист заглядывает Лобстеру в журнал.
– Вот эта нормальная, – подмечает он, показывая на одну из страниц. – Я бы присунул.
– Базаришь.
На одних «присунул» далеко не уедешь – в разговоре возникает напряженная пауза. Чикен с Лобстером чувствуют: что-то не так.
– Как дела в «Золотом»? – неторопливо протягивает Крюгер, как будто с самого начала ждал эту паузу.
– Что ты имеешь в виду? – уточняет Чикен, прищурившись. Возможно, он не такой тупой, каким кажется.
– Часто бываете там?
– По-разному. А что?
Крюгер закуривает. Не торопится, в общем, с ответом.
– Ну как сказать... Вы на нашей территории живёте, а так-то ничего, молодцы. Можете дальше по-тихой иметь нас.
Глаза у Тока резво бегают с Крюгера на Чикена, потом на Лобстера и обратно. По трусливым глазёнкам Тока можно предугадывать неприятности, как по крысам, удирающим с корабля.
– И чё ты нам предлагаешь?
Лобстер, конечно, старается держаться храбро, но если присмотреться, то можно заметить, что пальцы у него дрожат. И дрожат неслабо.
– Может, мы лучше... – пытается мирно разрулить Чокопай, но Крюгер смотрит на него так, что он тут же вспоминает себя лежащим в контейнере с мусором, и замолкает.
– Я предлагаю либо платить нам по косарю в неделю...
– «Вам» – это кому? – уточняет Чикен с усмешкой.
– «Нам» – это мне. И Бонгу процент.
– Либо?
– Либо уёбывайте отсюда прямо сейчас.
Дядя Якудзы мычит во сне. Более неподходящего момента не придумать. Якудза встает, его дядя переворачивается на спину и начинает храпеть.
– Да пошел ты на...
Чикен не успевает договорить. Крюгер двигается настолько стремительно, что несколько свечей на его пути затухают. Одной рукой он хватается Чикена за горло.
– Слышь ты, любитель собачьего кайфа, – цедит Крюгер сквозь зубы. – Я тебя сейчас так придушу, что у тебя глаза через жопу выкатятся.
Но Чикен совсем не боится. Он смотрит Крюгеру прямо в глаза, а рот его искривлён в усмешке.
– Ты че, сука, лыбишься?
Чикен переводит взгляд на дверной проём у Крюгера за спиной. Крюгер медленно поворачивается.

Глава седьмая ***(в которой мы смотрим на город)***

Чикен действительно любит собачий кайф. Есть у него один друг (а по совместительству наш общий знакомый) по прозвищу Коктейль – он в этом деле мастер.

Коктейль умеет отпускать горло ровно за миг до того, как человек отключается. В этом ему помогает природное хладнокровие. Именно он стоит сейчас за спиной у Крюгера. Всё это время Коктейль был в соседней комнате, слушал в наушниках минуса для нового трека. Выглядит он сурово. Лысый череп, бледное лицо, щетина на подбородке.

– Привет, Кокт, – говорит Якудза.

Коктейль кивает, не отводя от Крюгера взгляд. Тот отпускает горло Чикена. Этого недостаточно. Коктейль ждет объяснений.

– Мы тут это... Дядю моего пришли на ночь вписать.

– А клоунада эта зачем? – спрашивает Коктейль. – Чикена зачем трогать?

Он раскачивается с пятки на носок, спрятав руки в карманы джинсов. Коктейль всегда так делает, когда чувствует, что может начаться замес.

– Да так, тёрки у пацанов.

– Может, ваш друг всё-таки сам за свои действия научится отвечать?

– Это предьява? – спрашивает Крюгер.

– Решать тебе. Думаю, в любом случае стоит извиниться и свалить. Как минимум.

Крюгер смотрит Коктейлю прямо в глаза. Извиняться он, понятное дело, не подрывается. Все окончательно трезвеют.

– Ток, погнали отсюда, – говорит Крюгер и выходит из сквота. Ток семенит за ним. На прощание он машет нам всем рукой и аккуратно прикрывает за собой тяжелую дверь.

Коктейль не менее мощный, чем Крюгер, но при этом более справедливый и честный. Он из редкой породы людей, которые смеются, только когда им действительно очень смешно. Он ко всему относится серьёзно, без «клоунады». Это его любимое слово, кстати. И нелюбимое явление.

Уважают Коктейля даже больше, чем Крюгера, но друзей у него не так много. Чтобы стать другом Крюгера, достаточно ему подчиняться. Чтобы стать другом Коктейля, подчиняться вовсе не обязательно, но нужно нечто более тонкое, почти что неуловимое. Слишком он хорошо разбирается в людях.

– Кокт, мы тут не при делах, если что.

– Да я понимаю, не парьтесь.

Коктейль проходит по кругу, здоровается с каждым. Смотрит на нас, улыбается.

– Погнали, покажу кое-что.

– Что именно?

– Небо.

В Муравейнике всегда открыт хотя бы один ход на крышу. Главное – знать, какой именно. А как только ЖЭУшники его заблокируют – сразу появится новый. Таков один из мистических законов Муравейника.

Коктейль ведет нас по длинному коридору, мимо многочисленных квартирных дверей. Иногда мы останавливаемся, чтобы оставить на стенах тэги там, где для них ещё есть свободное место.

– Кокт, а ты давно с Бонгом виделся? – спрашивает Чокопай, выводя свое прозвище маркером на стене.

– Неделю назад, – отвечает Коктейль по делу и сухо, в своем стиле.

– А как с ним познакомиться, не знаешь?

– Тебе – никак. Надо еще подрасти. Не в прямом, конечно, смысле.

Мы доходим до открытого люка и выбираемся на крышу. Снегопад прекратился, но ветер пока не утих. Он прогнал с неба последние облака, теперь там видна луна и несколько крупных звёзд. Переступая через толстые провода, мы подходим к бордюру и смотрим на город. Пацаны от такого зрелища даже притихли, как под гипнозом. Обычно в подобных случаях говорится, что город весь виден как на ладони, но это не совсем так. Дальние районы с их убогими деревянными домами не видны. Не видна ТЭЦ, на которой работает мой папа. Не виден остров, на котором есть сосновый бор, песчаные дюны и пляж. Но и видно, действительно, многое. Например, ЦУМ, драмтеатр и фонари вокруг

котлована, который почему-то называется Театральным озером. Виден памятник строителям города. За гаражами виден силуэт самолетного ангара, похожего на древнюю крепость. Видны огни завода. Видно, как ветряные потоки крутят небольшие снежные вихри на крышах более низких домов. Достаю телефон и несколько раз фотографирую город. Получается очень красиво, хоть и смазано.

– Шрифт у тебя неплохой, – неожиданно говорит мне Коктейль. – Но сам тэг какой-то клоунский. Несерьезно это. Толкни его кому-нибудь за пятачок, а себе новый придумай.

По улице Ломоносова ездят редкие машины. Автобусы в это время не ходят. Мне уже пару часов как пора домой. На прощание Коктейль угощает меня красным «Мальборо». Я не закуриваю сразу, а прячу в карман, на завтра. Если сейчас покурить, то родители дома почувствуют запах и спалют.

Спускаясь по лестнице, я неожиданно понимаю, что так и не увидел тех самых мультяшных фруктов, обещанных мне. Но не так уж это и важно.

Часть вторая

Глава восьмая

(в которой я пропускаю первые два урока по уважительной причине)

Жирафы, пчелки, земляничка. Стены врачебных кабинетов вечно изрисованы всякой залупой. Ортопедша – очкастая, строгая, с бульдожьим лицом – заполняет бумаги по предыдущему пациенту. Мама сидит, волнуется: «здоровье – самое главное» и всё такое.

– Раздевайся до трусов, – говорит, наконец, ортопедша.

И сам в курсе, докуда раздеваться. Каждый год сюда хожу. Сейчас я разденусь, и нужно будет подойти, встать раком. Потом она скажет, что стало хуже. Потом будет на меня гнать.

– Повернись спиной и попытайся руками достать до пола.

Ну вот, классика. Нагибаюсь. Достать, понятное дело, не получается. Ортопедша молчит. Слышу гудок с завода, шорох машин под окнами. Утро.

– Очень плохо. Одевайся.

Выписывает мне направления на процедуры. Штук шесть, не меньше.

– Почему осанкой своей не занимаешься? – приговаривает она. – Инвалидом хочешь стать?

Врачи, вроде как, должны помогать, но лично мне они только настроение портят.

– Как же так? – голос у мамы слегка дрожит. – Мы летом на море его возили, он плавал.

– Ничего не знаю. Ситуация сильно ухудшилась. Сейчас нужно зафиксировать позвоночник хотя бы на этом уровне, чтобы болезнь не прогрессировала дальше. Потребуются процедуры, потребуются тренировки, массаж. Пока ещё не поздно что-то сделать. Скоро переходный возраст начнется и будет совсем не до этого, уж поверьте. Принимайте меры, в общем. Сколиоз уже ко второй степени приближается, по-вашему, это шутки?

– Ты слышал? – спрашивает мама. Ненавижу, когда она так делает.

Выйдя из кабинета, я чувствую облегчение. Впереди целый год без жирафов, без пчелок и, главное, без ортопедши. Придется, конечно, месяц походить на процедуры, но это не страшно.

Поликлиника – гадкое место, хочется поскорее отсюда свалить. Тётка в коридоре пеленает ребенка, а он кричит, извивается как червяк. Посмотришь куда-нибудь не туда –

и обязательно увидишь кал в стеклянной банке из-под томатной пасты или мочу. Спускаемся на первый этаж.

Суровая гардеробщица с ожогами на лице берет у меня номерок, возвращает пуховик. Мама надевает свою понтовую шубу, которую всё это время держала в руках, сдавать в гардероб побрезговала. Моя семья побогаче, чем у большинства пацанов. Я этого немного стесняюсь. Однажды после школы Якудза зашёл ко мне в гости, увидел в прихожей ботинки моего папы и подумал, что он дома, хотя папа был на работе. Якудза даже представить себе не мог, что у кого-то может быть больше одной пары обуви на сезон. И тем более, что этот «кто-то» может жить в соседнем дворе.

Выходим с мамой на улицу из поликлиники. На улице светает. Дворник скребёт заледеневший асфальт.

– Чтобы дома был вовремя, а не как вчера. Ты меня услышал?

Идёт быстрым шагом к тачке своей, торопится на работу. Я шагаю на автобусную остановку. К нам на район ездит всего один маршрут: тройка. Грязно-бежевая неповоротливая «гармошка». Обычно тройку приходится ждать на морозе по полчаса, но эта подъехала быстро, везуха. Сажусь, в запотевшем окне протираю смотровую щель, чтобы видеть город: пятиэтажки, девятины, киоски.

– Проезд оплачиваем, не забываем.

Кондукторша приближается к хвосту автобуса, а я сижу именно там. Основной поток заводчан уже схлынул, места свободные есть, автобус не переполненный. Ездить в таком автобусе зайцем не так-то просто. Нужно уметь смотреть в окно по-особенному. Задумчиво, но и уверенно в то же время. Чтобы у кондукторши возникло ложное воспоминание, в котором ты оплачиваешь проезд. Это тонкое дело. Покруче актерского мастерства. Слегка перегнул – и пропал. Зайцем надо уметь.

Я умею. Кондукторша, чуть задержавшись возле меня, разворачивается и идет обратно на своё место, где у неё постелена плешивая шкура какого-то несуществующего зверя. Сработало.

Остановка «Спортовары». Заходит рыбак в камуфляже, за плечами железный ящик для улова. Едет к нам на район, под моими окнами рыбу ловить – окна мои выходят прямо на набережную залива. Пара свободных мест ещё есть, но рыбак демонстративно ставит ящик на пол и садится сверху. Они все так делают, это, похоже, принципиальный для рыбаков момент.

Остановка «Драмтеатр». Осматриваюсь по сторонам – никто не палит. Рыбак вообще, похоже, уснул. Достая черный маркер фирмы «Грог Сквизер». Тэгаю на коричневой спинке сидения, которое передо мной. Тэгаю жирно, с подтёками, не жалея краски. Вторая буква «У» хитро загибает хвост и подчеркивает всё слово, пересекаясь в конце с последней «К». Я разработал этот шрифт давно, ещё год назад, на скучном уроке по русскому. Долго выводил змеистые символы на полях тетради, пока не пришёл к идеальным пропорциям.

Остановка «ЦУМ». Тэги в транспорте – это моя особая страсть. Твой тэг, твое прозвище – это доказательство того, что ты существуешь. И здорово, когда оно целыми днями колесит по городу. Люди из разных районов заходят, смотрят. Жаль только, что это не вечно, а лишь до тех пор, пока какой-нибудь урод не тэгнет специально поверх тебя. Или пока обивку сидений не обновят. Второе менее вероятно.

Остановка. Водитель усталым голосом объявляет в микрофон её название. Почему-то именно сейчас он решил это сделать – видимо, заскучал. Динамик искажает звук так, будто у водителя нет зубов. Ничего не понять. Но я знаю и сам, что это остановка «Ивушка», названная в честь рынка, на котором мы толкаем кофе. Заходит старуха с котомками, становится возле меня. Так и быть, уступаю ей место.

– Ох, спасибо. Ох, спасибо, дорогой.

Отдышавшись, она замечает перед собой мой тэг. Недовольно цокает и качает седой головой. Достает из кармана очки, надевает, читает. Разобрать мой шрифт ей удастся с трудом.

– Лупик... Что это еще такое? Тыфу ты... Ладно бы хорошее что-то писали, светлое. Родина! Любовь! Дружба! А тут что? Лупик какой-то... Зачем это надо?

Лупик – это я. Потому что глаза большие. Прозвище, в принципе, безобидное, бывают хуже. Любое слово однажды срастется с тобой, если часто его слышать или повторять, а если оттачивать каждую букву на полях тетради, то уж тем более. Другое дело, когда передразнивают «залупик» – вот это уже отстой. Но исковеркать при желании можно всё что угодно, так что я не загоняюсь. И пускай Коктейль говорит, что звучит поклоунски. Не хочу строить из себя крутого парня. И не хочу свой тэг продавать, хотя такое действительно практикуется. Псевдонимы дарят, обменивают, продают и даже отжимают. Интересно, за сколько Бонг может продать свой тэг? Наверное, таких денег нет ни у кого в городе. Мой на пятихатку потянул бы. Он хоть и клоунский, но потэгал я уже немало, в том числе в труднодоступных местах.

– Что за мода? – продолжает старуха. – Живём как негры! Оторвать бы руки тем, кто это делает.

От её возгласов даже рыбак проснулся и пытается понять, где мы едем. Сидящие по соседству кивают, поддерживают бабулю. Обычное дело. Пару раз меня хотели отмудохать за тэги на грузовиках, но в итоге обошлось. Пару десятков раз приходилось убегать от бакланов, которые засекали, как мы с парнями занимаемся «вандализмом» у них в подъезде или «портим» фасад магазина. Но всё это ерунда. В нашем городе нет вандалов, потому что испортить его невозможно. Нашим городом можно только играть.

Старушенция водит морщинистым пальцем по тэгу. На пальце остаётся краска. Она понимает, что тэг совсем свежий. Медленно поворачивает голову и вглядывается в меня своими блёклыми глазами, похожими на жирный снег с обочины.

– Как не стыдно, – говорит она тихо, чтобы слышал только я. – Вроде старшим место уступает, а такими занимается глупостями... Как не стыдно...

Хорошо, что мне уже пора выходить.

– Остановка «Торговый центр», – сообщает водитель уже чуть более разборчиво. – Следующая остановка...

Я не дослушиваю. И так знаю, что «Автомагазин». Выхожу.

Иду мимо торгового центра, который так и называется «Торговый центр». Затем через двор моего одноклассника и лучшего друга по прозвищу Башка. Мы с ним ещё с детского сада дружим. Подхожу к школе. Сумасшедший мужик уже гоняет вокруг неё на лыжах. Он приступает к делу с утра и заканчивает поздно ночью. Местная знаменитость.

Предыдущий урок еще не закончился. Спешить никуда не надо. Есть время спокойно покурить в одиночестве за теплицей. Теплица – это такая вытянутая постройка, покрытая ржавыми металлическими листами, растений в ней нет. Мой отец лет двадцать назад здесь учился и говорит, что уже тогда ничего не росло. Точно так же все просто курили.

Затягиваюсь сигаретой «Мальборо», которую дал мне вчера Коктейль. Читаю надписи на зеленой стене теплицы. «Пей Ягу – рожай шнягу», «Хули палишь?», «Rap Game». «Game» в последней надписи зачеркнуто и исправлено на «Гавно». «Гавно», в свою очередь, тоже зачеркнуто и исправлено на «сам ты говно, писать грамотно научись». Продолжение, видимо, следует.

Глава девятая

(в которой Чокопай срывает урок)

– Опричники выполняли функцию личной армии Ивана Грозного, – говорит историчка, мелкая бабка с тяжёлым макияжем, засохшим в глубоких морщинах, похожих на ножевые порезы.

История – самый галимый предмет. Каждый год проходим одно и то же. Поэтому я не слушаю. Играю в мобильную версию «Getting Up». Уже второй раз её прохожу. Граффити-художник Трейн под моим управлением бежит по балконам и крышам, рисует, драпает от ментов.

Башка отвлекает меня от игры: тычет линейкой в бок и показывает на дверь. Дверь приоткрыта, в проём заглядывает Чокопай. Жесткие и черные, как закопченная проволока, волосы подстрижены коротко. В левой брови выбрита тонкая засечка. В длинном ухе болтается серьга. На припухлом лице – несколько крупных родинок. Выражение глаз у Чокопая всегда хитрое, но сейчас по-особенному.

Все уже слегка посмеиваются, потому что знают: вот-вот начнётся экшн. Чокопай наблюдает за историчкой. Готовится к первой атаке, и вот...

– Хуй!

Историчка вздрагивает, как от электрического разряда. Но продолжает, слегка ускорившись:

– К сёдлам своих лошадей опричники привязывали черепа собак, которые символизировали собачью преданность.

– Пизда! Пацаны, кто громче?

– Не обращайтесь внимания, ребята, он больной, – мямлит историчка.

А мы обращаем. Мы обращаем и еще как. Он ведь специально для нас старается. Чокопай открывает дверь пошире, встаёт в дверном проеме и спускает спортивные. Историчка строго на него палит. Надеется пристыдить. Неправильная стратегия. Этот трюк может сработать с кем угодно, но только не с ним. Чокопай уже похотливо пританцовывает и вслед за штанами медленно приспускает трусы. Под ними показываются джунгли угольно-черной волосни.

Такого историчка вытерпеть не может.

– Придурок, уйди отсюда, не мешай проводить урок! – кричит она, разбрызгивая слюни. Короткими шажками стремительно приближается к нарушителю дисциплины.

– Иди спи, гном! – отвечает ей Чокопай, быстро натягивает штаны с трусами обратно и хлопает дверью перед самым её носом.

Историчка берет паузу, чтобы собраться с мыслями. Достает из сумки таблетки, заглатывает сразу две.

– И вот, как я уже говорила, из-за феодальной раздробленности монголо-татары стремительно захватывают территории... – продолжает она совсем невпопад, но всем, в общем-то, побоку, пусть что угодно рассказывает. – Так начинается то, что позже будет названо эпохой дворцовых переворотов...

Трейн продолжает бешеной обезьяной скакать по экранчику моего телефона, набирая очки.

– Хуй! – кричит Чокопай, снова просунув наглую рожу в дверной проём.

Историчка взрывается. Она с дикими воплями выбегает из класса и, громко топая, уходит по коридору. Это финал. А куда она? К директрисе? Жаловаться? Это смешно. Чокопай одним из первых вкурил, что из нашей школы никого не выгоняют. Грозятся, но не выгоняют. Говорят, это из-за того, что за каждого ученика директрисе идет надбавка к зарплате, но я в это совсем не верю. На месте директрисы я бы даже как следует доплатил сверху, лишь бы избавиться от такой загноившейся занозы в жопе, как Чокопай. И от нескольких ему подобных. Но от Чокопая в первую очередь.

– Ну что, – говорит он нам с Башкой, – походу, урок у вас отменяется. Погнали отсюда. Сегодня копейка будет.

Глава десятая

(в которой Чокопай наглядно объясняет, как стать Бонгом)

Копея – это запланированная драка при свидетелях.

– Кто с кем? – спрашивает Башка уже в коридоре.

– Коктейль против Крюгера, – отвечает Чокопай, хищно улыбаясь. – Это как лев против тигра! Как «Барса» против «Манчестера»! Как...

– А что случилось-то?

Оказалось, что рано утром в сквот постучались менты. Стучались настойчиво, долго, пришлось впустить. Менты первым делом отхерачили Чикена с Лобстером. В Муравейнике менты злые, потому что очень много работы. Во-вторую очередь они с большим трудом разбудили Дядю Якудзы и отхерачили его отдельно, в два раза сильнее, потому что не нашли документов – Дядя Якудзы посеял паспорт давным-давно. В третью очередь перерыли всю хату на предмет наркоты. В четвёртую очередь долго чесали репы и совещались, стоит ли приплетать к этому делу сектанство: «вдруг тут дьявола призывают или ещё кого похуже», – подумали менты, увидев церковные свечи. Но в итоге решили не заморачиваться. Вместо этого они отхерачили всех троих ещё разок, для закрепления, так сказать, результата. Напоследок отобрали ключи, дверь закрыли и опечатали. Лобстера с Чикеном тупо вышвырнули на улицу, а Дядю Якудзы забрали в отдел до выяснения личности.

Любому дебилу понятно, что никакие менты не пойдут самостоятельно обшаривать огромный шестнадцатизэтажный дом в поисках сквотов. Особенно ранним утром. Это явно случилось не просто так. Явно по чьей-то наводке.

– А причём здесь Коктейль и Крюгер?

– Коктейль решил, что это Крюгер ночью ментам позвонил и стуканул. Помнишь, какой он уходил недовольный оттуда? А, блин, тебя же не было.

До копейки есть пара часов, так что мы идём гулять. Всю дорогу к Муравейнику я кратко пересказываю Башке вчерашние мутки. Чокопай шагает чуть впереди, резкий и воинственный. Его распирает от предвкушения драки, которая уже через пару часов состоится на набережной.

На качелях возле Муравейника пацаны начинают спорить.

– Говно твоё каратэ, – заявляет Чокопай. – Что тебе даёт твой синий пояс?

– Фиолетовый.

– Фиолетовый, да. Что даёт? Давай раз на раз с тобой выйдем и посмотрим! – его аж трясёт. Видно, что хочет подраться с кем-нибудь.

Башка молчит. Он не выйдет с ним. Чокопай сильнее и старше. Вдобавок он слегка Чокопая побаивается и держит обиду из-за одного случая, после которого его как раз и прозвали Башкой.

История была вот такая. Они вдвоем забрались на пристройку у Муравейника, чтобы залить совместное граффити. Получилось отстойно. Чокопай рисовать не умеет, да и краска была плохая. Мало кто может позволить себе специальные баллоны «Montana». В основном приходится лить дешёвыми «Bosny» или «Done Well» из автомобильного магазина. Такие баллоны мы обобщённо и пренебрежительно зовём «бомжами». «Бомжи» распыляют краску широко и неравномерно, оставляя уродливые подтёки.

Дорисовав это убожество, парни стали спускаться по пожарной лестнице. Первым спустился Башка (хотя тогда его ещё так не звали). А Чокопай наверху взвесил в руке один из баллонов и понял, что в нём ещё осталось порядочно краски. Он не придумал ничего лучше, чем крикнуть «Лови!» и, не глядя, швырнуть баллончик вниз. Металлический край «бомжа» рассек Башке голову (теперь, пожалуй, уже Башке). Кровища разбрызгивалась, как краска. Его головой можно было ещё одно граффити забомбить.

В травмпункте Башке наложили пять швов. Маме он наврал, что просто шёл по улице, и что-то грохнулось сверху, а где и что – непонятно. Сказал, что ничего не помнит. Не стал сдавать придурковатого друга, решил оставить это на его совести. Но совесть у Чокопая поломана. На следующий день Чокопай подошел ко мне возле класса информатики и спросил, сделав невинное и взволнованное лицо:

«А ты случайно не знаешь, кто ему голову разбил?»

Я прекрасно знал, но зачем-то решил подыграть.

«Я!» – весело крикнул в ответ Чокопай и расхохотался от всей души, или что у него там вместо неё.

Башка в это время лежал в больнице. Собственно, после того случая к нему и приклеилось это прозвище. Теперь, когда учителя говорят про него «светлая голова», кто-нибудь обязательно шутит, что свет пробивается через дырку, проделанную баллоном. Хотя вообще-то учителя про него теперь редко так говорят. После того случая у него переключилось что-то. Башка совсем перестал делать домашку, стал более замкнутым и агрессивным, побрился под три миллиметра, начал слушать рэпера Бабангиду, искать в интернете снафф и называть сухие гречневые хлебцы «едой для пархатых жидов».

– Вот видишь, – говорит Чокопай, когда Башка отказывается выйти с ним раз на раз.

– Ну давай, начни мне ещё про бокс рассказывать.

– Бокс – это лучше, чем каратэ, но в принципе тоже шляпа. От него тупеют и слепнут. Из-за этих, как их...

– Микросотрясений мозга.

– Да, точно.

Цепи скрипят. Башка раскачивается сильно. Чокопай остаётся на месте, слишком он увлечён разговором. Даже качель через перекладину не кинул, сидит низко, почти на снегу.

– Я вот что понял: чтобы стать такими как Бонг, нужно просто гасить всех. Тренироваться. И не на груше, а по-настоящему. Просто подходить и хуячить кого-нибудь. Каждый день. Желательно так, чтобы вырубать. Сначала вырубать не будет получаться. Потом с пяти ударов, допустим. Потом с трёх. И так, пока не научишься стабильно вырубать с одного.

К качелям приближается совсем ещё мелкий пацан с огромным ранцем и в шапке, как у танкиста. Из шапки вываливаются красные от мороза щеки. Сразу видно: любитель мультфильмов и настольных игр. Лицо незнакомое. Похоже, он не из нашей школы. Мы троём думаем об одном и том же. Двоим из нас это очень не нравится.

– Не надо, эй, – просит Башка за нас двоих, но Чокопай уже встал с качели и преградил пареньку дорогу.

– Мелочь есть?

Появляется надежда, что мелочью всё обойдется. Малой не особо пугается – наверно, уже привыкший. Покопавшись в ранце, он достает оттуда целую горсть и высыпает Чокопая в ладонь.

– Пацан, ты в каком классе учишься? – спрашивает Башка. Непонятно, зачем ему это.

– В третьем, – отвечает пацан и застёгивает ранец.

– Ага, понятно. А в какой садик ходил? – пытается, видимо, разрядить обстановку, заодно Чокопая отвлечь.

– В «Парус».

– Какой ещё, нахуй, «Парус»?! – внезапно вопит Чокопай и прикладывает огромный своим кулаком к щеке пацана.

Пацан падает. Мы бежим в Муравейник. Забегаем в подъезд, на лестничный пролёт. Дверь закрывается, и я перестаю слышать у себя за спиной совсем ещё детский плач.

– А вы куда так рванули-то сразу? Я его вырубить из-за вас не успел!

Поднимаемся на пару этажей. Осторожно выглядываем в окно. Паренёк, стоя на четвереньках, плюётся красным. Похоже, Чокопай ему выломал пару молочных зубов.

– Прикол, Дантисту похвастаюсь, – весело говорит он. – В общем, примерно так. Подошел, уебал, стал на шаг ближе к Бонгу.

– Не хочу я Бонгом тогда никаким становиться.

– А Крюгером? А Коктейлем хочешь? Думаешь, они по-другому махаться учились? На каратэ твое ссаное ходили, думаешь?

Пацан за окном, наконец, поднимается, утирает сопли, натягивает обратно свой ранец и идёт в том же направлении, только более медленным шагом. Как будто ничего не случилось. Только через каждые пару шагов останавливается и неумело харкает красным на снег.

– Из тебя ещё может что-то получиться, – продолжает Чокопай, – В тебе виден потенциал. Но для этого надо тренироваться. Надо вырубать. А если не будешь, то останешься чмошником со своим синим поясом по карате.

– Фиолетовым.

– Да какая разница?

Мы поднимаемся на несколько этажей выше и находим там ртутную лампу, аккуратно приставленную к стене. Звучит вопрос:

– Расхуячим?

Ответить не успеваем. Лампа уже летит вниз, между перилами. Такой день. Такой Чокопай. Такое у него настроение перед зрелищной дракой.

Глава одиннадцатая

(в которой мы загадываем желания)

Шатаемся по коридорам, тэгаем.

– Сколько время? – уже в который раз спрашивает Чокопай. Он жутко боится опоздать. Башка отвечает, но Чокопай так возбуждён, что тут же забывает. Через пару минут опять переспрашивает.

– Ты заебал. У тебя самого телефон есть.

– Внатуре.

Чокопай достаёт свой «Самсунг» и смотрит.

– Успеваем. Покажу вам сейчас одно место крутое, только вы никому не рассказывайте, договорились?

Как всегда, не дождавшись ответа, Чокопай дёргает дверцу возле мусоропровода. Дверца маленькая, метр на метр примерно. Она со скрипом поддаётся. Чокопай садится на карачки и уползает в дверной проем. Мы с Башкой переглядываемся.

– Ну вы чего там застряли?

Башка скрывается следом за ним. Я карабкаюсь третьим, замыкающим. Мы ползём по узкому бетонному тоннелю, как герои шпионских боевиков по вентиляционным шахтам. Или как крысы. Хотя о крысах лучше сейчас не думать, они по-любому здесь есть. Кажется, я только что слышал писк. Тоннель весь в пыли и копоту, душно и жарко.

– Долго ещё? – спрашивает Башка.

Чокопай молчит. Иногда справа или слева на нашем пути появляется поворот. Тогда Чокопай замирает и долго думает. Остается только надеяться на его интуицию, потому что путь он, похоже, совсем не помнит.

Мы уже целиком состоим из желания поскорее отсюда выбраться, и тоннель наконец-то кончается. Мы оказываемся помещении с очень низкими потолками – такими, что ходить приходится сильно пригнувшись. В помещении полумрак. Свет проникает через одно небольшое окошко, под рамой которого натянута несколько слоев паутины. В

углу стоит старое кресло, непонятно, как его умудрились сюда затащить. У стен лежат три диванных подушки. По факту мы находимся на некоем промежуточном чердаке между пятым и шестым этажом.

– Это место называется «Четыре», – говорит Чокопай и показывает пальцем на потолок.

Спичками на побелке выжжена цифра 4. Как будто это должно что-то нам объяснить. Я осматриваюсь по сторонам. Меня удивляет то, какая здесь чистота. На полу нет ни одного окурка. Ни одной крошки пепла.

– Секрет названия я раскрывать вам не буду, потому что это запрещено. И вообще вам нельзя никому говорить, что вы были здесь. Понимаете, это место магическое.

Башка усмехается.

– Я серьезно тебе говорю! А не веришь – пошел тогда на хуй отсюда, не буду дальше рассказывать!

– Верю, верю, угомонись.

– Ну так вот, – успокаивается Чокопай. – Если представить, что Муравейник – это человек, то «Четыре» – это что-то по типу сердца. Здесь желания надо загадывать. Всё сбывается, отвечаю.

Чокопай садится на кресло. Мы с Башкой – на подушки.

– Закройте глаза. Крепко сожмите кулаки. И повторяйте за мной. Или можете про себя. Но обязательно повторяйте.

Сжимаю ладони в кулаки, как положено. Не знаю, сделал ли Башка то же самое – у меня ведь глаза закрыты, откуда мне знать?

– О, великий Муравейник, – говорит Чокопай.

– О, великий Муравейник, – повторяет за ним Башка, по голосу я слышу, что он еле сдерживает смех.

– Обращаюсь к тебе.

– Обращаюсь к тебе.

Чокопай делает три шумных медленных вдоха.

– Дай мне смелости и упорства, чтобы стать таким же, как Бонг. Самым сильным, самым влиятельным в городе. Чтобы все меня уважали. Дай мне сил, Муравейник.

– Помоги мне уехать из этой страны навсегда, – говорит Башка, голос у него теперь стал серьезным. – Или хотя бы из этого ебучего города. Так, чтобы больше никогда сюда не возвращаться. Так, чтобы забыть к хуям собачьим названия улиц и маршруты автобусов. Помоги поселиться мне в тёплом красивом месте, где вечное лето, много красивых голых девчонок и можно целыми днями ничего не делать, просто жить в своё удовольствие. Где никто ко мне не доебётся на улице. Где все просто кайфуют от жизни. Помоги мне найти это место, ёб твою мать, Муравейник! – Башка разошелся не на шутку. Мне хочется открыть глаза и убедиться, всё ли в порядке с ним, но он вовремя сбавляет обороты. – Самое главное: помоги мне выбраться из этого города и забыть его. Помоги, Муравейник. О, Муравейник. Дай мне решимости и сил, Муравейник. Помоги.

Тишина. Чокопай не торопится продолжать. Видимо, хочет убедиться, что Башка закончил. А мне почему-то вдруг вспоминается тот же пейзаж, что я мельком видел под фруктиками: рельсы, трансформатор, серое небо, собака.

– Заранее спасибо тебе, Муравейник, – говорит Чокопай.

– Заранее спасибо тебе, Муравейник, – повторяет Башка.

– Аминь.

– Аминь.

– Теперь можно открыть глаза.

Некоторое время мы сидим в тишине. Я наблюдаю за пауком в оконной раме.

– Слушай, Чокопай. А ты видел когда-нибудь Бонга? – спрашивает Башка.

– Нет, не видел.

– Вот и я не видел. Это я к чему? Может, не существует никакого Бонга, а? Ты никогда не задумывался?

– Это тебя не существует! Ещё раз такое скажешь, и я в твоей голове ещё одну дырку проделаю и выебу прямо в неё, понятно? Бонг существует. Иначе какой вообще смысл в этом всём? – он кивает на голые серые стены.

Печальный склеп из бетона в спальном районе холодного жалкого города.

– Никакого, – соглашается Башка.

– Сколько время?

– Половина третьего.

– Пора идти.

Чокопай поднимается, но идет не к тоннелю, через который мы сюда попали, а в конец помещения, к той стене, до которой не дотягивается свет из окошка. Там он звенит ключами, а затем открывает дверь. Обычную человеческую дверь.

– Выходить будем через парадный.

Чокопай закрывает за нами, и мы спускаемся по обычной человеческой лестнице. Чокопай шагает радостной, пружинистой походкой.

– Ну пиздец, – возмущается Башка. – Зачем мы через эту сраку ползли, если можно было нормально?

– Если зайти через дверь, то желание не исполнится, – говорит Чокопай и подмигивает.

Глава двенадцатая ***(в которой происходит драка)***

Мы стоим на футбольном поле у набережной. Место выбрали из-за того, что зимой здесь очень безлюдно. Не у школы же махач устраивать. Вдалеке видны девятиэтажки, среди них есть моя. Напротив домов – залив. Он покрыт льдом, а лёд покрыт снегом. На снегу рыбаки. Когда смотришь из окна, они кажутся точками на альбомном листе. Если в нужном порядке соединить их карандашными линиями, то получится картинка. Очень простая. Например, портрет кого-то из моих друзей.

Нас тут человек тридцать, не меньше.

Коктейль и Крюгер – в разных концах футбольного поля. На стороне Коктейля его друзья. Их немного. Побитые Лобстер с Чикеном и два его одноклассника: Тоник и Гусь. Рядом с Крюгером народу побольше, но в основном все стоят на нейтральной территории: ближе к центру поля, на самой удобной для обзора позиции. Мы с Башкой и Чокопаем в том числе.

Обычно перед копейми повторяют одни и те же базовые слова. Их можно услышать и во время самого боя: «Не забывай про защиту!», «Увереннее, увереннее!» и «Да не бойся ты его!». Но сейчас, перед дракой двух самых мощных бойцов, это звучало бы странно, как минимум. Говорят, что Коктейль и Крюгер – единственные, кто может выдержать против Бонга дольше десяти секунд.

Ток что-то спрашивает у Крюгера. Тот мотает в ответ головой.

Коктейль на небольшом отдалении от всех, даже от друзей, как и положено одиночке. Он уже скинул пуховик на снег и, надев капюшон, ходит из стороны в сторону в своей любимой серой кенгурухе фирмы «K1X».

Много девчонок. Девчонки любят драки, хоть и морщатся, когда смотрят. Иногда даже плачут, но смотрят всё равно. Из моих одноклассниц здесь Иванова и Веселуха. Дантист, приобняв их, спрашивает:

– Ну что, к кому из вас вечером в гости пойдём?

– А зачем мы пойдём? – кокетничает Веселуха. За лето у нее выросла гигантская грудь.

– Домашнее задание помогу вам делать.

Хихикают. Ведутся, значит.

Якудза выбегает на центр поля, и все замолкают. Из-за невозможности драться самому («ах, если бы не рука!») он всегда самый активный зритель, по совместительству ведущий.

– Во-первых, объявление. Парни договорились, что проигравший платит победившему два косаря. Деньги эти сегодня же пропиваются с теми, с кем победивший посчитает нужным их пропить. В первую очередь, разумеется, со мной. Во-вторых, драка происходит до тех пор, пока кто-то не вырубится или не признает своё поражение. Никакого «правила первой крови». Только хардкор. Поехали? Кокт, ты готов?

– Готов.

– Крюгер?

– Да, он готов, – отвечает Ток за него. Нашелся, блин, секундант. Крюгер снимает свой пуховик, отдает его Току на хранение. Под пуховиком у него красный адидасовский костюм.

– Тогда мы начинаем. Дамы и господа! Сейчас на ваших глазах состоится главное сражение года! В правом углу ринга: Крю-ю-ю-югер!

Все аплодируют, девчонки визжат. Крюгер поднимает массивные кулаки и трясет ими, типа красуется.

– В левом углу ринга...

– Заканчивай клоунаду! – обрывает его Коктейль.

Якудза театрально откланивается и уходит.

– Мужики, начинайте уже! Холодно тут стоять, – выкрикивает Дядя Якудзы и отхлёбывает клюквенную настойку из четвертинки. Он уже успел выйти из ментовки и заново накидаться. Покачивается тут радостный, как ни в чём не бывало. А ведь в каком-то смысле всё это из-за него вчера началось.

Коктейль уверенно, даже вальяжно идёт в центр поля. В его движениях есть нечто кошачье. Крюгер шагает навстречу. Первая интрига боя – кто первым поднимет руки в боевую стойку. Оба понтуются, идут с опущенными, на расслабоне типа. Выглядят абсолютно спокойными, но понятно, что на самом деле волнуются. А по-другому никак. Поэтому в копейках участвовать мало кто любит. Одно дело помахать спонтанно, на адреналине. Здесь же совсем другое. Пока дойдёшь до места – вся злость уже выветрится, но драться надо. Иначе получится, что ты «съехал», «соскочил». И оба вы чувствуете себя старыми ленивыми псами на собачьих боях.

Первым руки вскидывает Крюгер и сразу бьёт, метит в челюсть, но Коктейль уходит вбок. Руки у него по-прежнему внизу. Выглядит это эффектно. Увернувшись от первого удара, Коктейль все-таки поднимает кулаки. Парни перемещаются по полю, обмениваясь ударами. Оба действуют хладнокровно. Не торопятся. Прощупывают почву.

Иванова снимает драку на телефоны. Девчонкам почему-то можно. Среди пацанов это считается подлостью. Джеймс достаёт свой «Сони Эриксон», а Якудза вырывает его и кидает в сугроб.

У Коктейля сильное преимущество в росте, поэтому он работает в основном ногами, не подпускает противника слишком близко. Но сохранять спокойствие всё тяжелее. Особенно нелегко это дается Крюгеру: затягивать он не любит, наматывать по полю восьмёрки – явно не его стиль.

– Хорош танцевать уже, ебаштесь нормально! – выкрикивает Дядя Якудзы.

На его мнение всем нахуй, но вовремя сказанная фраза действует как детонатор. Выждав подходящий момент, Крюгер делает простое обманное движение, а затем вкладывает всю силу в боковой удар с правой. Коктейль не успевает вовремя среагировать. Кулак попадает лишь по касательной, но этого достаточно, чтобы вызвать ярость. Он бросается в контратаку.

– Убивай его, убивай! – выкрикивает непонятно кто и непонятно кому, потому что кричат практически все, а Крюгер с Коктейлем «убивают» друг друга в равной мере.

Почти все драки заканчиваются горизонтально. Вот и Коктейль с Крюгером валятся на снег и катаются в нём. Поочередно сверху оказывается то один, то второй. Коктейль старается зафиксировать Крюгера под собой, но тот за счёт низкого роста каждый раз находит лазейку и умудряется вынырнуть. Достаточно подраться хотя бы раз, чтобы понять, насколько сильно это выматывает. Ещё пара таких «кульбитов» – и Крюгер надёжно закрепляется сверху. Дальше всё по накатанной.

От злости лицо у Крюгера ещё более красное, чем обычно. Почти бордовое. Зубы стиснуты, на висках проступают горячие трубки вен. Он работает руками ритмично, поочередно. Коктейль старается защищаться и даже бить в ответку, но постепенно эти попытки становятся всё более редкими и вялыми. Крюгер же только наращивает обороты. Его кулаки опускаются механически, как будто он забивает сваи.

Якудза с Дантистом переглядываются и негласно решают, что на правила лучше забить. Они подбегают и вдвоём оттаскивают Крюгера.

– Можешь себя контролировать? – спрашивает Дантист у него.

Коктейль переворачивается набок, кашляет. С его носа и губ свисают липкие кровяные нити, по которым ритмичными толчками стекает густая кровь, всё сильнее пропитывая снег.

– Я хочу, чтобы вы все знали, – выкрикивает Крюгер, слегка отдышавшись. – Сегодня утром я не звонил в ментуру! Я вообще никогда в жизни не звонил в ментуру, вы меня поняли?! К Коктейлю у меня никаких претензий нет, он просто ошибся. Повторяю ещё раз: в ментуру звонил не я. И если здесь есть тот, кто звонил, – пусть признается. Я выйду с этой крысой тут же, нон-стопом. Ну? Кто готов? – он смотрит вокруг, старается заглянуть в глаза каждому, – Понятно всё. Я не удивлён. Как видите, шоу окончено, теперь мы идём бухать! Приглашаю всех, кроме мудаков из тридцатой. Хотя ладно, мудаков из тридцатой тоже приглашаю! Встречаемся в бильярдной через час.

– Пожмите хоть руки друг другу, хули вы! – перекрикивает Дядя Якудзы одобрительный гул толпы. И он прав.

Коктейль умывается снегом. Крюгер подходит к нему, садится на корточки. Они жмут руки, Коктейль отдаёт ему две испачканных кровью купюры. Копею можно считать завершённой.

– Это правда не я был. Отвечаю.

– Да понял я, понял. А кто, есть идеи?

– Если бы были, то этого «кого-то» уже бы не было. Понимаешь, о чем я?

Коктейль кивает, сильно о чём-то задумавшись.

– Ладно, я пойду. Подтягивайся тоже в бильярдную, если захочешь.

Крюгер встаёт и уходит. Ток отдаёт ему на ходу куртку. Крюгер небрежно накидывает ее на плечо.

– Эй, Крюгер! Круто попиздились.

Коктейль даже слегка улыбается своим разбитым лицом, хотя видно, что ему сейчас больно от этого. Крюгер улыбается в ответ. Идёт дальше. За ним тянется целая толпа. Тоник и Гусь помогают Коктейлю подняться. Его любимая кенгуруха теперь испорчена огромным бурым пятном.

– Милицию вызову! Милицию вызову! Милицию вызову! – горлопанит неподалёку бабка, как заведённая. Возможно, подошла только что, а возможно, стояла там с самого начала, просто никто не слышал её и не замечал.

– Есть курить? – спрашивает у нас Коктейль.

Чокопай угощает его сигаретой и огнём. Говорит:

– Ты был крут!

И как-то невесело нам:

– Погнали пройдемся, парни.

Мы доходим до края набережной. Там бетонные плиты и огромная труба, сливающая дождевую воду со всего района в залив. Кругом всё заледеневшее, мёртвое. Мы садимся на одну из плит.

– Ты чё приуныл? – спрашивает Башка.

– За Коктейля болел потому что.

– Я тоже.

Постепенно темнеет, небо становится фиолетовым. Рыбаки разбредаются по домам.

Чокопай достает сигареты «L&M». Их осталось ровно три. Протягивает мне и Башке по одной. Третью подкуривает сам. Затем достаёт из кармана тэгер и что-то увлеченно пишет на пустой пачке.

– «Привет! Меня зовут Чокопай», – зачитывает он, дописав. – Классно?

Швыряет пачку как можно дальше, в сторону горизонта. Приземлившись, она зарывается в снег.

– Лёд растает, и пачка до Америки доплывет, – поясняет нам Чокопай.

– Никуда она не доплывет, ты чё, больной?

В обычном своём состоянии Чокопай обязательно огрызнулся бы на Башку или даже врезал. Но сейчас он спокойно и тихо говорит:

– А я верю, что доплывет.

И ведь действительно верит. Вне нашего города Чокопай был только однажды, в раннем детстве, когда мама возила его с сестрой на Чёрное море. Но он этого даже не помнит. Наверное, именно поэтому любые географические факторы являются для него чем-то необязательным. Он просто отказывается воспринимать их всерьёз.

«Если где-нибудь встретишь Рем Диггу – передай от меня привет», – сказал он мне как-то раз, узнав, что я собираюсь с классом в Питер на каникулы.

Тогда я объяснил ему, что Рем Дигга живет не в Питере, а в Ростове, и даже не в самом Ростове, а где-то в Ростовской области. А Петербург и Ростов – это вообще-то не близко.

«Ну и что, – сказал мне на это Чокопай. – Ты всё равно передай».

И по-доброму улыбнулся.

Глава тринадцатая

(в которой все собрались в бильярдной, но никто не играет в бильярд)

Мы приходим в бильярдную с опозданием, замес уже в самом разгаре. Администраторша прячется за стойкой и быстро говорит что-то в трубку стационарного телефона. Ор стоит такой, что слов её не разобрать. Договорив, она запирается в подсобке на ключ.

За пару часов практически все успели убраться в хламину. Призовые два косаря были потрачены на аренду зала. Всё бухло пацаны вынесли из разных супермаркетов района. Выносили на кураже. Некоторых даже поймали охранники – настолько нагло парни работали.

Шары катаются по полу, путаются под ногами. В воздухе нависает густой сигаретный дым. Половинки сломанного кия торчат из заблёванного дивана. На диване этом в обнимку спят Дядя Якудзы (ясное дело, напивается еще с утра) и Ток (он просто слабак) – эти двое всегда отключаются первыми. Крюгер от выпитого наоборот стал ещё более энергичным. С пустой бутылкой конины в руке он прыгает на зелёном сукне бильярдного стола и непонятно к чему кричит:

– За «Спартак»!

С другого края стола – бухло и остатки жратвы. Среди кучи пустых бутылок можно найти: несколько упаковок «Ролтона» со вкусом курицы, чипсоны «Московский

картофель» со вкусом бекона, сиську пива «Большая кружка», сиську пива «Белый медведь: живое», две полторашки лимонного «Блейзера», водку «Высота», мультифруктовый сок «Фруктовый сад», три банки «Страйка», пять банок «Ягуара», две бутылки клюквенной настойки «Доктор Август».

У меня в пластиковом стакане шипит и пузырится «Блейзер». Не успел я выпить и полстакана, а мне уже хорошо. Я как будто сижу в скафандре, спасающем меня от всего, что творится вокруг.

– За «Спартак» любого порву! Вы слышите?

Никто его не слушает и не слышит. У всех своего бреда в избытке.

– Мне мама говорила, что лучше уж колоться, чем нюхать. Потому что, когда ты колешься, наркотик попадает в руку. А когда нюхаешь – сразу в мозг!

– Ну-ка оттяни край глаза, я посмотрю: девственница ты или нет? Чё ты ржешь? Я реально умею определять!

– Ой, а это меня от пива так развозит из-за того, что там пузыриков много, да?

– Покупай у меня тэгер. Там краски на три сантиметра.

– У меня там столько волос теперь – расчёской расчёсывать можно!

– Не понимаю, почему все говорят, что «Ягуар» вредный. Вон тут написано: таурин. Заебись, полезно! Дальше, кофеин. Тоже нормально, бодрит. Витамин Ц. Нихуя себе! На, глотни.

– Пойдем со мной в туалет. Ну чего тебе, жалко, что ли? Ну пойдем со мной в туалет.

– Если бы не моя рука, то я Бонга бы сделал как нехуй. Хорош угорать, я серьезно!

– Зенит надерёт коней в этом сезоне, можем забиться на сотку.

– Этот дебил, короче, однажды вырезал ответ из решебника и вклеил в тетрадь. Ему настолько влом переписывать было!

– Я слышал, что девяносто процентов смертей происходят из-за того, что человек падает лицом в лужу и захлёбывается. Серьезно тебе говорю. Не веришь? Отвечаю на пацана!

Из портативной колонки наваливает американский рэп. Хитовый трек «You don't know» – совместная работа Эминема, Фифти Цента и малоизвестных нигеров с их лейбла. Трек уже заканчивается. Начинается новый. Уже не рэп, а эмо-кор. Играет узнаваемое гитарное вступление к песне группы «Джейн Эйр». Услышав и опознав его, все одобрительно вопят. Особенно Крюгер. Это его любимая песня.

Начинается первый куплет. Все зачитывают его хором, стараясь друг друга перекричать. Эту песню так часто приходится слышать, что я тоже знаю её текст наизусть, хотя почти ничего в нём не понимаю: «рейв», «хэш», «Ларри Флинт», «джанк» – это всё незнакомые мне слова. Кричать со всеми хором я стесняюсь, молча сижу и пью. Стакан блейзухи в моей руке давно сменился на «Страйк». Достая телефон, чтобы порубать в «Getting Up», а там от мамы четыре пропущенных. Кажется, я попал.

– Что я знал о джанке? Джаст фанк? Джанк – это я. Я – ЭТО ДЖА-А-А-АНК!

Ужас, оглохнуть можно. Допиваю залпом и выхожу на улицу. На улице тихо и пусто, темно. Уже вечер. Перелезаю через забор и оказываюсь в ярко освещённом дворе, который из-за установленной в нём одноместной карусели называется «Тошнотик». Сажусь на карусель, медленно вращаюсь. Перезваниваю маме.

– Ты чего не отвечаешь весь день? Опять на беззвучном? Я позвонила в процедурное отделение, записала тебя на сегодня, еле договорилась. Через двадцать минут начнётся.

За двадцать минут быстрым шагом дойти отсюда до процедурного вполне реально. Всё равно пора сваливать. Из бильярдной доносятся звуки бьющихся бутылок. Остаться там дальше – себе дороже.

От «Страйка» идти по улице радостно, от блейзухи – легко. Иногда я весело поскальзываюсь на льду, но держусь, не падаю. А на небе северное сияние, похожее на

неоновую лужицу. Оно двигается и дрожит. Как будто никак не может устроиться поудобнее.

Глава четырнадцатая (в которой я укрепляю мышцы спины)

– Проходи, раздевайся, – говорит моя любимая медсестра.

Как я рад, что сегодня её смена. Она работала здесь и в прошлом году, и в позапрошлом, но тогда мне просто нравилось, что она общительная и добрая, а сейчас, снимая за ширмой футболку, я обращаю внимание на то, что моя любимая медсестра, оказывается, очень красивая женщина. Возраст – лет пятьдесят, но при этом совсем не старая. Волосы очень короткие, светлые. Ногти на руках покрашены красным лаком. Под халатом видны красивые загорелые ноги. Халат этот ей маловат, поэтому ноги видны хорошо. На шее и руках есть морщины, но они её нисколько не портят.

Она расстилает на кушетке простыню, я ложусь на живот. Холодными пальцами она клеит к моей спине круглые липучки на проводах. Это датчики. Когда аппарат пищит – нужно как можно сильнее свести лопатки и приподнять корпус. Датчики считывают напряжение мышц, расположенных вдоль позвоночника, и аппарат дает обратную связь: писк становится более высоким и громким. Через тридцать секунд он обрывается – это значит, что я могу полежать, отдохнуть. Медсестра при этом контролирует меня, сидя рядом.

В этот раз она села совсем близко к кушетке, а халат чуть задрался. Краем глаза я смотрю на её ноги.

– У меня внук твоего примерно возраста, чуть помладше, – болтает она. – Он без конца играет в какую-то стрелялку, причём по скайпу.

На соседнем аппарате занимается очкарик с ДЦП. Сидя на стуле, он по сигналу разворачивает ступни в разные стороны. Это простое действие, судя по всему, стоит ему невероятных каких-то усилий. Когда ему удаётся – включается омерзительный гитарный соляк, тот же, что включался в прошлом и позапрошлом году. Вторая, кучерявая медсестра раскачивается в такт музыке и щелкает пальцами. Кайфует прям от этого соляка.

– Это так забавно, – продолжает моя медсестра. – Он кричит: «Кидай гранату, забегай туда!».

Медсестра смеётся как девчонка. Я пытаюсь не смотреть на её ноги. Ничего не выходит. Закрываю глаза. Под веками проплывают алкогольные розовые пятна. Они красивые. Но ноги у неё всё равно красивее.

– А кем ты хотел бы стать после школы?

Касаюсь её бедра. Делаю это осторожно. Так, чтобы не было до конца понятно, случайное это касание или умышленное. Моя медсестра вдруг резко замолкает, но ногу оставляет на месте. Я продолжаю держать руку на её бедре. Одним пальцем пробираюсь под халат. Аппарат пищит. Поднимаю корпус ещё на тридцать секунд. Затем снова отдых. Пробираюсь под халат остальными пальцами, всей ладонью. Кожа на бедре у неё слегка дряблая и прохладная. Постепенно она теплеет. До конца тренировки медсестра не произносит больше ни слова. Только дышит по-особенному: прерывисто и шумно.

В конце занятия я, как всегда, сажусь на стул перед небольшим телевизором. Медсестра заново подключает к моей спине датчики, даёт мне джойстик, включает приставку. Игра всегда одна и та же. Гонки из знаменитой серии игр про Крэша Бандикута.

Из доступных локаций я выбираю футуристические светящиеся тоннели. Из персонажей – полоумного профессора с огромной желтой башкой и выпяченной губой. Со мной соревнуются: глазастый тигрёнок, рыжеволосый киборг и Крэш Бандикут

собственной персоной. Начинается гонка. Чем сильнее я напрягаю мышцы спины, тем быстрее едет мой персонаж на своем квадроцикле. Поворачиваю с помощью джойстика. Как только мне удастся вырваться вперед, в меня от других персонажей прилетают ракеты и бомбы. Ответить им тем же я не могу, потому что верхние кнопки джойстика, отвечающие за атаку, не работают. К финишу прихожу предпоследним, обогнав только тигрёнка-позорника. Золото получает, разумеется, сам Крэш Бандикут. Это ведь гонка из серии игр про него, он здесь босс.

Моя медсестра отклеивает датчики. Нежно проводит холодными пальцами по плечу.

– Вот и всё. Одевайся.

Кладу джойстик на стол, поднимаюсь. Внезапно у меня темнеет в глазах, кружится голова, я теряю равновесие. Видимо, из-за бухла. Меня успевают подхватить и усадить обратно на стул. Окончательно придя в сознание, вижу взволнованных медсестёр. ДЦП-шник тоже смотрит, непонимающим взглядом. Мне протягивают стакан воды.

– Духота здесь такая, ужас. Конечно, в обморок можно упасть. Да ещё первое занятие, с непривычки бывает, – оправдывает меня моя медсестра. На самом деле мне кажется, что она ещё в самом начале унюхала алкоголь, но не стала меня палить. Потому что моя медсестра меня любит.

– Домой сам сможешь дойти? – спрашивает кучерявая.

Смогу. Конечно же, я смогу. Мне гораздо лучше. Уже одеваюсь.

– Пока-пока, до вторника! – прощается моя медсестра с той же самой интонацией, что и обычно. Как будто между нами ничего не произошло.

Ночью я долго не могу уснуть. Наверное, из-за кофеина, которого в «Страйке» много. А может, из-за неё? Из-за её короткой блондинистой причёски, звонкого смеха и загорелых ног? А ещё я вспоминаю задницу директрисы и понимаю, что Дантист прав – она действительно ничего, хоть и великовата. Думаю о директрисе, о медсестре, снова о директрисе. Ворочаться надоедает. Встаю и подхожу к подоконнику. За окном – ласковая метель с миллионами мягких снежинок. Их так много, что тусклый свет фонарей на набережной практически неразличим.

Часть третья

Глава пятнадцатая

(в которой нас учат ядерной физике и здоровому образу жизни)

Менты вчера не приехали. Но сказать, что пацанам повезло, я при всем желании не могу. Потому что вместо ментов приехали трое быков с травматами – хозяева бильярдной. Тех, кто уже совсем нихера не соображал, они слегка помяли и вышвырнули на улицу. Остальных заставили убирать блевоту, осколки, ставить на место стулья, искать по всему залу шары. Вылизав всю эту богадельню, пацаны уже намылились с чистой совестью оттуда валить, но быки осаждали их. Оказалось, что испорченный диван, кий и в особенности бильярдный стол невероятных каких-то бабосов стоят. Быки затребовали с пацанов эту сумму, а когда выяснили, что на карманах у пацанов голяк – поставили их, что называется, на счётчик. В качестве залога забрали у самых старших паспорта. Заставили извиниться на коленях перед администраторшей. И только потом отпустили.

В жопу пьяные пацаны еще долго шатались по району, с трудом переваривая произошедшее. Вяло махались между собой. Шугали своими косыми рожами мирных благополучных граждан. Пытались через окно пробраться в школу, чтобы, представьте себе, поиграть в баскетбол. Бильярда им, видимо, не хватило. Потом под окнами молодых училок орали какую-то пошлятину – понятия не имею, откуда они узнали их адреса.

В общем, тупой и бессмысленный беспредел, послуживший причиной того, что сейчас все классы с шестого по одиннадцатый собраны в актовом зале.

– Понимаете, пока вы юные, у вас организм как губка, – говорит со сцены медработница. – Он всё впитывает. И всё, что он впитает, потом обязательно скажется. Поэтому, когда вы пьете алкоголь (это слово она произносит с ударением на «а»), курите сигареты или, не дай бог, наркотики, нюхаете клей... Или что они там нюхают? – уточняет она у завучихи.

– Клей, клей. Всё правильно, – кивает завучиха, как будто что-то понимает в этом.

– В общем, когда вы всем этим занимаетесь, вы делаете хуже только себе. Не мне. Не учителям. Не родителям. Только себе.

– Я понимаю, – вступает завучиха, – вам хочется казаться взрослыми, – на этой фразе по залу пробегает презрительный смешок. – Я что-то смешное сказала?

– Ничего смешного здесь нет, – подхватывает медработница. – А тем, кто смеется, мы сейчас давление в медкабинете померяем. Наверное, пригубили уже с утра, вот и веселятся.

Не знаю, в какой шараге училась наша медичка, но она почему-то уверена, что алкоголь в крови можно безошибочно выявить по высокому артериальному давлению. Если кто-то ведет себя не совсем адекватно, то проверяют именно так.

– Вы хотите казаться взрослыми, – повторяет завучиха, – но взрослость выражается не в том, чтобы пить, курить и сексом, извините меня, заниматься, – снова все давятся от смеха, но завучиха уже не обращает внимания. – Быть взрослым – это значит уметь брать на себя ответственность. И не только за себя, а еще за близких и окружающих. А вы пока еще даже за себя не умеете отвечать. Бедные ваши родители. Бедные ваши учителя.

Всё в таком духе. Самое забавное, что главных героев вчерашней ночи здесь нет. Вот Башка стоит рядом со мной, но он там не при делах. Джеймса вижу, который ушел еще раньше меня. Где Якудза? Где Крюгер? Чокопай? Ток? Дантист? Хотя рассказывать им всю эту чушь уже не имеет смысла. Их уже не спасти. Впрочем, нас тоже.

– Прикинь, – говорит мне Башка, – Якудза руку вчера сломал. Опять. Ту самую. В том самом месте. Причем ладно бы в драке – нет, никуды! Этот даун тупо поскользнулся бухой и упал!

Следующим уроком технология. Вместо того чтобы учить нас строгать или пилить, трудовик по кличке Овца объясняет ядерную физику. У этого дятла три высших технических образования, но он всё равно работает трудовиком, – говорит, что нравится. Хобби такое у человека – высшие образования получать, что поделать. Когда Овца отворачивается, чтобы записать огромную формулу на доске, ему в спину плюют слюнявыми бумажками, заползают под верстаки, выкрикивают всякое.

Бабы, в отличие от нас, занимаются делом, а не физику ядерную изучают. На перемене они кормят нас салатами, которые на уроке приготовили. Салаты все разные и совершенно дикие. Веселуха вот сделала из крабовых палочек и сухого ролтона, заправила уксусом. Я голодный, но это не ем, боюсь проблеваться. Так-то проблеваться я, в целом, не против, но сейчас настроение не то.

Иду в столовку. Денег у меня нет, но в столовке всегда выставлен поднос с халявным молоком. Правда, долго приходится разглядывать стаканы, искать тот, в котором не плавают чья-нибудь ресница. Я нахожу тот самый стакан и выпиваю залпом. Обращаю внимание на плакат. «Молоко детям» – написано на плакате и нарисована фломастерами корова. А гелевой ручкой к ней пририсован огромный член. Из члена падают капли.

Глава шестнадцатая ***(в которой у всех всё плохо)***

После уроков мы с Башкой идём навестить Космо. Космо – это сокращение от «Косматый». Его волнистые волосы спускаются почти до плеч. Летом у Космо умер отец. От отца ему досталась старая бежевая «Волга». Космо проводит в ней практически всё свое время. Из трех сохранившихся колёс два спущены, да и движок не пашет. Поэтому мы всегда знаем, где именно Космо можно найти. В «Волге». А «Волгу» – у него во дворе.

Космо сидит, как всегда, на водительском. Но в этот раз он не один. Рядом Коктейль. Под глазом у Коктейля большущий красный фонарь, на переносице – пластырь, край губы покрыт коркой запекшейся крови. На заднем сидит Якудза – главный неудачник вчерашней ночи. Правый кулак у него загипсован, как будто на нём надета боксерская перчатка. Левой рукой он держит сигарету, но не дамскую, как обычно, а «Тройку» – стрельнул у Косматого. Сразу видно – залез в долги, стало не до понтов. Якудза выпускает дым в чуть приоткрытое окно. Морщится от непривычной крепости. Разглядывает свой гипс. Мы садимся рядом.

– Как ты? – спрашивает Башка. У кого именно – трудно понять. Все как один унылые до безобразия.

– Даже не спрашивай, – отвечает Якудза. – Допрыгался. Хочется, конечно, верить в чудо, но, скорее всего, не срастется кость у меня. Врачи ведь предупреждали. Стану одноруким бандитом.

Сочувственно киваем.

– Вы ща из школы сразу? – спрашивает нас Космо. – Что нового там?

– Да ничего. Мозги промывали. Медичка сказала, что нельзя нам пока что бухать. Что у нас организмы как губка. Для мытья посуды которая, знаете?

– Хуюбка, – говорит Якудза.

– Ну, ты всё-таки иногда появляйся в школе, – продолжает Башка. – Выгнать не выгонят, но на второй год оставить могут.

Космо несколько раз кивает, но это ещё не значит, что он согласен. По этим кивкам даже нельзя определить, понял ли Космо смысл сказанного. Он закуривает и смотрит в окно, как печальный киногерой. На стёклах девятиэтажного дома играют красные блики скупого зимнего солнца. По статистике в нашем городе всего тридцать пять солнечных дней в году. Они вечно случаются не вовремя. Например, когда всем плохо, и от солнца становится только хуже.

– Меня мачеха в интернат собирается сдать, – говорит Космо. – Так-то мне всё равно. Интернат так интернат. Но она «Волгу» батину продаст, пока я там буду.

Все снова сочувствуют молча. У нас никогда не находится правильных слов утешения. Да и какие тут могут быть слова?

– Может, пойдем потэгаем? – предлагает Башка.

– Не, – говорит Якудза, – посижу ещё немного и в Муравейник пойду. С Крюгером надо перетереть насчет долга за бильярдную. Хотите – погнали со мной. А там и потэгать можно.

Коктейль всё это время молчал, но тут его вдруг прорывает как будто:

– Вам не кажется, что все это какая-то поебень? Это ведь даже не искусство. Вот ты, Башка, талантливый чел, сколько граффити нарисовал за год? Настоящих имею в виду, хороших. Одно? Мы тупо пачкаем стены, потому что большего не можем и даже уже не хотим. Всё, что нам нужно, – это хоть как-то себя проявить, оставить хоть какой-то след, но ничего мы на самом деле не оставляем. Все эти каракули замажут, как только администрация выделит денег на краску.

– Да ты гонишь, что ли? Кому это надо – замазывать?

– Сам убедишься. Так всё и будет, я отвечаю. Лет через сто этот город вообще исчезнет. Все тупо уедут отсюда. Вы видели, кто теперь покупает наши подводные лодки? Индусы! Ебучие индусы, за копейки! Никому эти лодки больше не упёрлись. Мир изменился, парни! Войны ведутся теперь по-другому. Но большинство из нас всё равно будет работать на этом бессмысленном сраном заводе до конца своих дней. И с каждым

годом всё сильнее деградировать. А зимы будут становиться все холоднее и холоднее. Однажды дойдет до того, что снег выпадет и не растает больше никогда. И самое обидное, что никто из нас этого не выбирал.

Коктейль переводит дыхание. Солнце светит ему в лицо, как будто опровергая слова про вечную зиму. С улицы слышится детский смех. Мальчишки в разноцветных куртках играют в снежки под присмотром своих мамаш.

– Иногда я хочу закрыть глаза, а потом открыть и увидеть, что всё исчезло. Газ, пипетки, блейзуха, Муравейник, тэги, тупые разговоры про Бонга, всё это дерьмо. Чтобы просто оно пропало куда-то, схлопнулось. Но так не бывает. И не будет. И завод никогда не закроется, кого я обманываю? И город. Тэги замажут, а город останется. Да и пусть остаётся. Ничего в нём плохого нет. Просто такие мы. Время просто такое. Девяностые прошли, а продукты распада остались. И мы – хотим этого или нет – хаваем их огромными поварёшками. В больших городах уже всё, а мы с вами хаваем. Так получилось. А зачем, и что потом с нами будет – непонятно. Но ничего, походу, хорошего.

Он снова переводит дыхание. Мы с Башкой и Якудзой переглядываемся.

– Извините, что я это на вас вываливаю. Достало всё просто. Раньше я цеплялся за пацанские разные фишки, и это мне помогало. Действительно помогало. Брат за брата, всё такое. «Бригада» там, «Бумер», «Хулиганы зелёной улицы». А теперь я понимаю, что всё это сплошная наёбка. Но может быть, я и не прав. Какая вообще разница? Удачно вам потэгать сегодня, пацаны. Я погнался.

Коктейль вылезает из машины, громко хлопает дверью и уходит быстрым шагом, спрятав руки в карманы пуховика. Кажется, за последние десять минут я слышал от него больше слов, чем за всё время нашего знакомства.

– А я наш город люблю, – спокойно произносит Космо. – Вы не обращайте внимания, с Коктейлем периодически бывает такое. Это потому, что он по жизни думает слишком много. Скоро он перебесится, и всё будет по-старому.

Но почему-то есть ощущение, что по-старому больше не будет.

Глава семнадцатая

(в которой Ток побеждает впервые в жизни)

Оказалось, что Коктейль расстроился не на ровном месте.

«Он мне сказал, что это Ток в мусарню тогда позвонил, – сообщил нам Якудза, когда мы уже подходили к Муравейнику. – Больше некому потому что. Коктейль сегодня с утра прижал его, и Ток признался. Из-за него вся эта херня началась, получается. Копея и всё остальное. Вы Крюгеру не говорите, главное. Он ведь реально его прикончит. И вообще никому не говорите лучше. Ток нормальный на самом деле, только очень тупой. Он ничего плохого-то не хотел. Хотел Крюгеру угодить, вот и всё. Он ведь не знал, что так выйдет».

«Да уж, бля, угодил», – сказал на это Башка.

Мы в бетонной кишке – техническом переходе между двумя блоками Муравейника. С обеих сторон кишка во всю длину облицована мутными окошками-плитками. Через стёкла проникает оранжево-красный свет заходящего солнца.

Жидкость в пакетах похожа на соевый соус, который я пробовал однажды в суши-баре с родителями. Но это не соевый соус. Это лак.

Ток и Чокопай сидят на полу, друг напротив друга. Дышат.

– Синхроннее, пацаны, синхроннее! – подбадривает их Крюгер. – Или давайте наперегонки, хоть какой-то движ.

– Ага, ты сам-то хоть раз попробуй! – возмущается Чокопай, оторвавшись от пакета. Дышит он медленно, но сосредоточено, глубоко, с паузами.

Ток работает ритмично и быстро, почти механически. Пакет у него уже сморщился, полиэтиленовые стенки запотели. Свободной рукой Ток придерживает пакет снизу. Бледными глазами всматривается в осколки стекла и щебня на полу.

– Ток! Ток! Ток! Ток! – скандирует Крюгер, воинственно сжав кулаки.

Чокопай ускоряется. Башка сидит рядом с ним. Наблюдает за процессом. Якудза, прислонившись плечом к стене, курит и задумчиво смотрит в одну из выбитых стеклянных ячеек. Закат сегодня хорош.

– Ток! Ток! Ток!

Ток выпускает из рук пакет. Он падает на штанину его светлых джинсов, обдаёт её своим ядовитым содержимым, соскальзывает и шлепается на пол. Ток поджимает ноги и, как-то по-детски съевшись, вырубается.

– И у нас есть победитель! – восклицает Крюгер. Он подбегает к Току и поднимает его руку, как делают рефери в конце боя. Затем отпускает, и рука безвольным обесточенным проводом падает обратно. – Дай тэгнуть, – просит Крюгер у Башки.

Башка медлит. Он знает, что если отдать Крюгеру тэгер, то обратно его будет уже не вернуть.

– Дай тэгнуть, говорю. Тебе краски жалко для братана?

Башка вертит в руках свой чёрный маркер фирмы «Хардкор», как будто прощается с ним. Крюгер подходит, забирает маркер и подмигивает.

– Спасибо, что подарил.

Он пишет у Тока на лбу «победитель». Затем подходит к окну и принимается в честь него тэгать «Ток!» на каждой оконной ячейке, не пропуская ни одной.

– Лупик, а ты чё не пыхаешь? – спрашивает Крюгер, не отвлекаясь от стёкол. – Ты же токсикоман. Любитель веселящего газа.

Он кивает в ту сторону, где стоит откупоренная бутылка с густой темно-коричневой жижей. Мы с Башкой и Якудзой не пробовали ни разу. Крюгер с Дантистом баловались, но давно завязали. Остальные делают это, но редко. Только когда совсем всё плохо – и с деньгами, и с настроением. Вот как сегодня. Покупают бензин или лак. Причем бензин 92-й именно, 95-м брезгуют почему-то. А клей не берут – говорят, неудобно.

– Хватай пакет и погнал! – резко выходит Крюгер из себя и палит на меня свирепо. – Или пиздуй отсюда.

– Да отвали от него, – защищает меня Якудза. – Никакой он не токсикоман. Я тоже газ пью – и что? Газ не считается, – Якудза щелчком отбрасывает окурочек в дальний конец кишки, садится на корточки возле Чокопая, хлопает его по плечу. – Чокопай! Как ощущения?

Чокопай убирает от лица пакет, медленно поворачивает голову к источнику звука и едва разборчиво говорит:

– Почему я так свою маму предаю?

– А нам откуда знать почему? Может быть, потому что ты долбоёб? А вообще – не говори ерунды. Никого ты не предаёшь.

Чокопай делает еще несколько глубоких вдохов.

– Ты лучше скажи: эффект как от газа или другой? Глюки есть?

Чокопай снова поворачивается. Эти несколько вдохов даром не прошли. Нижняя губа у него дрожит, и от этого удлиняется тонкая нитка слюны, свисающая с нее. Чокопай издает горловые скрипучие звуки.

– Ага, спасибо за ответ.

– Заебись его плющит, походу, – говорит Крюгер с усмешкой. Он сегодня особенно злой. После вчерашнего, видимо. Ещё бы. Не каждый день приходится убирать блевоту и извиняться под дулом травмата.

Я перевожу взгляд на Тока. Никто, кроме меня, не замечает, что «победитель» беззвучно блюёт во сне. Из его приоткрытого рта толчками вырывается нежно-розовая

жижа с белыми, как будто пенопластовыми, ошметками. Крюгер тем временем продолжает выводить его прозвище на стёклах.

– Сегодня отдыхаем. Надо в себя прийти немного. А с завтрашнего дня начинаем мутить бабос для этих пидоров из бильярдной. Каждый будет делать то, что хорошо умеет. Ток будет кофе выносить по двадцать банок в день. Ты, Якудза, поможешь ему этот кофе толкать. Дантист вызвался у ЗАГСа кланчить «за счастье новобрачных». Надеюсь, он реально работать будет, а не клеить подружек невест. Чокопай у малых отжимать, как всегда. А я – всех контролировать. И бабки этим козлам раз в неделю таскать, базарить с ними. Ну и вот. Система налажена. Если всё нормально пойдет, то недели за три намотим. Плюс тэгеры свои продадим. Башка, ты не хочешь, кстати, тэгер свой купить у меня? Хороший. Чёрный. Краски много. Чё вы притихли, кстати? Где бабки брать будете, малышня? Может, родители ваши заплатят?

Если честно, я до последнего надеялся, что у Крюгера вышибло память, и он даже не помнит, что я вчера в этой бильярдной был.

– Слушай, хорош. Не докапывайся к малым. Башка там нормально себя вёл, еще и убрать помог. А Лупик вообще полчаса посидел только.

– Ладно. Скажите спасибо добренькому Якудзе. С каждого по две пятачки – и забыли. Чем быстрее, тем лучше.

Крюгер выводит последний тэг, оценивающе смотрит на свою работу. Все стёкла забиты. Подходит к Якудзе, кладет ему руку на плечо.

– Прорвёмся, братан. Вывезем. Всегда вывозили.

– Да, прорвёмся, – отвечает Якудза как-то печально и неуверенно добавляет: – братан.

Чокопай залипает в одну точку. Пускает слюни и что-то мычит.

Солнце зашло, стемнело. На уровне стёкол вспыхивает холодный уличный фонарь и освещает кишку. Ток приходит в сознание, испуганно палит по сторонам.

– Где я?

– В раю для победителей, – спокойно отвечает Крюгер. – Повернись, посмотри, как ты стёкла все забомбил. Не помнишь, что ли? Монстр, ваще. Бонгу расскажем, вот он зауважает тебя!

Ток поворачивается к стеклам. Видит своё прозвище, продублированное на них добрую сотню раз. Смеётся и гладит эти стекла ладонями.

Глава восемнадцатая

(в которой Джеки Чан борется с преступностью)

Башка, скрестив босые ноги, сидит на полу и увлеченно играет в свою любимую игру на первой плейстейшен. По экрану небольшого телевизора носится мультяшный Джеки Чан, собирает бонусные драконьи головы и гасит криминальных недоумков. В перерывах между уровнями, когда на экране мелькают побитые рекорды и набранные очки, Башка вспоминает про тарелку, стоящую рядом с ним, и съедает пару ложек гречки, намешанной с вареньем.

Мне нравится быть у Башки в гостях. Особенно с утра, в выходной, когда впереди ещё много времени, и если вдруг надоест сидеть дома, то можно пойти гулять. Квартира у них всегда захламленная, но хлам здесь веселый, не такой, как у всех. Вместо банок с краской, шмоток и старых лыжных ботинок повсюду раскиданы фигурки монстров, музыкальные журналы, сияющие брелки и DVD-диски, которые никогда не соответствуют коробкам, в которых лежат.

– Дай мне тоже поиграть, – в который уже раз просит у Башки младший брат, свисающий со второго яруса кровати. – А если не дашь, то я сделаю так, что ты тоже играть не будешь.

– Заткнись.

– Ах так? Мам! К нему в гости одноклассник пришел, а он поиграть ему не дает!

Это его любимый трюк. Через минуту Мама Башки стоит в дверном проеме, лениво прислонившись плечом к стене. Подстриженная под мальчика высокая брюнетка с широкими бёдрами, узкой талией и душой подростка. Говорит мне «привет», в ответ я глупо улыбаюсь. Слишком короткие на ней шорты и слишком прекрасная серая майка с винным пятном. Не понимаю, как отец Башки мог от нее уйти. И как отец Брата Башки мог от нее уйти – тоже не понимаю.

Парой коротких фраз она усаживает Брата Башки за прописи, а серый джойстик перемещает мне в руки.

Мне достаётся уровень в канализации. Под моим управлением бедный Чан на каждом углу огребаёт по яйцам или, оступившись, падает с железной платформы в сточные воды. Башка подсказывает мне простые и действенные комбинации кнопок, но это только мешает. Помучавшись минут десять, я с облегчением возвращаю джойстик мастеру. Он быстро проходит мой уровень, затем еще один. У Башки вообще всё получается хорошо, за что бы он ни взялся: видеоигры, рэп, граффити, математика, спорт. Другое дело, что в последнее время становится всё меньше и меньше вещей, за которые он берётся. Вчера Башка даже признался мне, что уже две недели не ходит на каратэ. Кимоно валяется в углу комнаты на полу, а фиолетовый пояс завязан в декоративную петлю и свисает с дверной ручки.

– Надоело, – говорит он и отбрасывает джойстик в сторону. Мы идем одеваться. Брат мгновенно соскакивает со стула, усаживается перед телевизором.

В прихожей из-за чуть приоткрытой двери доносится песня Gorillaz. Это любимая группа Мама Башки.

– Осторожнее там! – перекрикивает она музыку. Наверное, думает, что мы идём рисовать. Она совершенно спокойно относится к этому, как и к другим увлечениям сына. Поддерживает даже, иногда дает ему денег на тэгеры или баллоны, а прошлым летом подарила на днюху скейтборд.

Завязывая шнурки, я не могу удержаться и заглядываю в узкий дверной проём. Сидя на расправленной кровати, Мама Башки красит ногти на ногах чёрным лаком.

Мы выходим из подъезда. На улице обманчивая кратковременная оттепель. Я по этому поводу даже надел демисезонную куртку. Сегодня можно нормально погулять, не ныкаясь по торговым центрам. С крыш не капает, но воздух влажный и снег липнет к ногам. Небо сплошняком затянуто тучей, но туча не слишком плотная. В одном месте она чуть светлее, чем в остальных. Там прячется солнце.

Незаметно покидаем пределы нашего района. Потом еще одного. Говорим в основном о рэперах, видеоиграх и одноклассниках. Проходим мимо «белого стакана». На нем, как обычно, людно. «Белый стакан» – это заброшка, популярная у паркурщиков. Говорят, на ней часто тусует Бонг. А еще там когда-то погиб один парень, не сумевший перепрыгнуть через шахту лифта, после чего это место стало еще популярнее.

Выходим на железную дорогу. Идём по шпалам. Это всегда приятно, потому что сворачивать с железной дороги некуда. Идешь себе и идешь. Особенно если пункта назначения нет, как у нас. По железной дороге мы ходим обычно молча. Такая у неё аура.

– А помнишь, – неожиданно говорит Башка, – в садике у каждого был свой шкафчик для одежды? И на каждом шкафчике было нарисовано что-то. Фрукты разные, там, или звери. Яблоки, груши, апельсины, грибы, зайцы. Вот я вчера вечером пришел домой и долго думал об этих шкафчиках почему-то, не знаю. Грустно было. Из-за тэгера, из-за Коктейля, много из-за чего. Поэтому я лежал и думал. Но ни о чем, кроме этих идиотских шкафчиков, не думалось, поэтому думал о них. Точнее, не просто думал, а вспоминал. Попытался вспомнить, какой фрукт был нарисован на моем шкафчике. И знаешь, я точно помню, что это был именно фрукт, а какой – не помню, прикинь? Странно это. Вот не помню, и всё. А ты?

Глава девятнадцатая
(в которой происходит необъяснимое)

К проводу, свисающему с высоченного трансформатора, привязана арматура. Башка держится за неё и раскачивается, как на тарзанке. Его тяжелые ботинки, пролетая в метре над землей, черпают грязный туман. Наверху вокруг трансформатора вьются чёрные птицы. Их голоса заглушает тяжелый товарняк, проносящийся мимо. Снимаю это на видео. Перевожу телефон с поезда на Башку и обратно. По-моему, это красиво.

Вагоны скрываются за поворотом. Шум утихает. Башка отпускает арматуру, приземляется на железнодорожную насыпь. Умывает снегом ладони, испачканные ржавчиной. Снято. Убираю телефон в карман.

Мы продолжаем идти по шпалам в этой малознакомой нам части города. Справа – забор с колючей проволокой, ограждающий непонятно что. Слева – линии электропередач. За ними – неоднородная полоса гаражей.

– Не, в жопу всё это. Закончу школу – свалю за бугор. Попрошу политическое убежище или что-нибудь в этом духе. Даже поступать никуда не буду пытаться, – слишком по-взрослому рассуждает Башка, для него это норма. – Первое время там, наверное, придется тарелки мыть, но ничего. Потом, может, выбью пособие. Буду граффити рисовать, пить пиво и ничего не делать. На скейте кататься еще иногда.

В ушах у меня звенит. И воспринимается всё отстраненно, как будто газа глотнул. Потеем сильно, хотя куртка на мне очень лёгкая для зимы. Не пойму тогда, отчего. Может, оттого, что рядом высоковольтные провода? Бабушка говорит, что нельзя под ними ходить.

Вдруг неожиданно для себя начинаю говорить. Вернее, это не совсем я, а как будто кто-то левый говорит моим ртом, пока сам я сижу у себя внутри и удивлённо слушаю:

«Ничего из этого у тебя не получится. Всё будет по-другому. Не знаю, как именно, но по-другому».

– Это ещё почему?

«Чувствую так. Но ты не расстраивайся особо. Мне вот хочется, например, стать продавцом в отделе с дисками. Чтобы сидеть и рубиться целыми днями в игрушки. Идеальная ведь работа. Но не получится у меня стать продавцом дисков. Я только сейчас это понял».

– Конечно, не получится! В интернете всё скоро скачать можно будет. Сейчас уже можно даже.

Пока одна часть меня продолжает трепаться, другую по-дикуму плющит. Эти сраные провода конкретно ездят мне по мозгам, если дело, конечно, в них. Всё расплывается, потом собирается обратно, и так без конца. А в небе вьётся орава птиц – тех самых, черных, которые летали вокруг трансформатора. Они как будто хотят сложиться в единое геометрическое тело.

– А что с пацанами в итоге будет, по-твоему? – спрашивает Башка.

Появляются фруктики. Они плывут у меня перед глазами: огромные, полупрозрачные, яркие. Апельсины, лимоны, гранаты, киви, манго, ананасы. Самые разные фруктики. Если смотреть через апельсин, то всё вокруг кажется оранжевым, а не серым. Если через банан, то жёлтым. Некоторые фруктики гнилые. От некоторых остался только огрызок. Некоторые – как с витрины. Но в основном мультяшные они, несъедобные.

Я слушаю себя дальше:

«Почти все пойдут на завод. Крюгер точно. И Якудза. У него, кстати, с рукой всё в порядке будет, срстется. Он потом сломает ее еще раз, и она ещё раз срстется. Так что на завод возьмут. Будет жить в Муравейнике, напиваться по выходным. Практически все

так. Но есть исключения. Дантист вот начнет барыжить, к примеру. Чокопай в малолетку скоро сядет. Но ему это даже на пользу пойдет. Подкачается там. И в целом выйдет оттуда более спокойным, что ли, уравновешенным. Ток в один из дней исчезнет с радаров, никого не предупредив. Наверное, маму поедет искать. А Коктейль после школы переедет в Питер и двинет там кони от наркоты».

– Да ты гонишь, что ли? С чего ты решил? Он же вообще не по этой части!

«Ну вот так, – продолжаю наваливать я, и сам от себя же офигеваю. – Он, кстати, прав: все наши тэги реально закрасят скоро. Жалко Коктейля, да. Обидно, что так получится. Он из нас самый нормальный. Но, пожалуй, реально думает многовато – правильно Космо сказал. Космо, кстати, действительно в интернат отъедет. Но мачеха “Волгу” так и не продаст. Не найдёт покупателя».

– А Бонг? Что будет с Бонгом?

«А Бонга нет. Его выдумали».

И тут меня отпускает.

– ...на скейте кататься ещё иногда, – продолжает Башка с того самого места, как будто плёнка в кассете назад отмоталась. – В любом случае, оставаться не вариант. Уёбищно тут и тупо. Но пока ещё говорить рановато, конечно. Просто фантазии. Всё еще может десять раз поменяться. И поменяется наверняка.

Поменяется наверняка, это точно.

Впереди на путях лежит какой-то мешок. Подходим ближе, присматриваемся. Башка отшатывается назад.

– Ёб твою мать! – восклицает он. Потому что никакой это не мешок, а дворняга без головы. Её туша в районе передних лап косо разрублена колесами поезда. Труп еще свежий, кровь не засохла – она пульсирует в собачьем теле неравномерными ударами. Похоже, дворнягу разрубил тот поезд, который проехал мимо, когда Башка на тарзанке качался.

– Как так вышло-то? – говорит Башка. – Не могла же она решить выпилиться и шею на рельсы сама положить? Не могла же?

Собачья голова укатилась. От неё до самых кустов по заснеженной насыпи тянется красный след. Мы обходим собаку за несколько метров и движемся дальше.

– Пиздец, вот пиздец, – повторяет Башка, иногда оборачиваясь назад. А я не оборачиваюсь. Мне не до этого. Я даже не испугался почти. Потому что думал о своём глюке. О том, откуда он такой странный взялся, этот фруктовый глюк.

Мы подходим к дальним районам, где находится стадион «Север», ДЮЦ и местные многоэтажки. Вдалеке на железной дороге – два человеческих силуэта. Поначалу невозможно определить, в какую сторону они идут, но вскоре становится очевидно, что идут они нам навстречу.

Глава двадцатая

(в которой Башка рассказывает, как всё было)

Пересказывать пришлось трижды: два раза устно и один письменно, во всех подробностях, на нескольких листах. В некоторых деталях я путался. Это почти неизбежно. Особенно если глубокая ночь за окном.

Перечитав мое заявление, следак устало вздыхает и выходит из кабинета. Над его рабочим столом остаётся плотное облако дыма. Курит он много, почти не переставая.

Мы с папой теперь тут наедине. Разве что в углу, на стуле с колесиками сидит толстый усатый мент, но он дрыхнет, так что не в счёт. Выглядит папа уставшим, поглядывает на часы. Скоро ему на работу.

Такое чувство, что мы у врача на приеме. Ага, если бы. Я бы лучше лишние десять раз к ортопеду сходил, чем это. Уж лучше пчелки, бабочки и земляничка на стенах, чем портрет президента с крысиной рожей и плохо пропечатанные фотороботы маньяков.

– Ты уверен, что сказал следователю всю правду? – спрашивает папа. – У меня могут из-за тебя быть проблемы, ты понимаешь? Меня могут посадить, если ты в заявлении наврал. Не тебя, а меня, понимаешь? Ты точно не знаешь, кто это был?

Папа думает, что тут замешан кто-то из моих друзей. Папа к моим друзьям относится плохо. Вечером, когда мне пришлось ему всё рассказать, он сначала ничего не соображал от злости, а потом долго расспрашивал про друзей. Почему-то он был уверен, что кто-то из них обязательно виноват.

Следак возвращается не один. Заводит в кабинет Башку. Мы с ним коротко переглядываемся.

– Присядь, – говорит следак, и Башка садится рядом со мной. – Расскажи всё как было. Только честно. И с подробностями.

– Да вы издеваетесь, что ли? Я три раза уже рассказал. Сколько можно?

– Никто над тобой не издевается. Чем быстрее расскажешь, тем быстрее освободишься.

Башка устал. Его, как и меня, всё это уже доконало. Но деваться нам некуда. Башка приступает к рассказу в четвертый раз. Я надеюсь, что он не начнет приплетать отсебятину. Надеюсь, что наши показания совпадут. Надеюсь, что нам не придется выкладывать всё это снова.

– В общем, мы шли по железной дороге...

– Что вы там делали? – перебивает мент и закуривает.

– Говорю же: мы просто гуляли.

– По шпалам? На другом конце города?

– Ну да. А что такого?

Мент пожимает плечами, затягивается сигой поглубже и делает пометочку в своей огромной тетради. Мне он, кстати, тот же вопрос задавал и тоже пометочку делал.

– Продолжай.

– Мы спокойно шли, разговаривали, никого не трогали. И тут к нам подошли два пацана. Они тоже по рельсам гуляли, только шли в другую сторону.

– Попробуй их описать.

– Они нас старше года на три-четыре где-то. По росту один прям длинный, другой обычный. У длинного волосы рыжие.

На этом моменте следователь насторожился и быстро сделал ещё пометку. Эх, Башка, Башка. Почему рыжие-то? Чем дольше все это тянется, тем сильнее я убеждаюсь, что даже правдивую историю невозможно два раза пересказать одинаково, а уж четыре тем более. С каждым разом история хоть немного, но искажается, переплавляется у рассказчика в голове. А может ли тогда история в принципе быть правдивой? Получается, что не может.

– У второго пацана, того, что поменьше, глаза голубые, большие. А на нижней части лица бандана повязана. Сама бандана черная, а на ней желтыми буквами написано «50 cent». Вот это я четко запомнил.

– А как это пишется? Покажи вот тут, на бумаге, – говорит следак и протягивает какой-то огрызок. Вот он олень. Не знает, как «50 cent» писать. Где их таких находят вообще?

Пока Башка пишет, следак бычкует в пепельнице сигарету и закуривает новую.

– Ну и, в общем, тот, который в бандане, нам говорит: выворачивайте карманы, гоните мелочь и маркеры. Мы мелочь отдали, а про маркеры сказали, что нету. У нас их с собой правда не было. Потом они заставили нас попрыгать. Они так пытались определить, всю ли мы мелочь отдали и действительно ли у нас нету маркеров. Потому что в маркерах специальные шарики, которые краску взбалтывают, и эти шарики гремят, если попрыгать.

Мой папа и следак почему-то переглядываются.

– Мы попрыгали, и ничего у нас не зазвенело. Потому что мелочь мы всю отдали уже, а маркеров у нас с собой не было. Но это я уже сказал. В общем, им не понравилось, что у нас маркеров. И тогда они спросили про телефоны. Мы сказали, что телефонов у нас тоже нету. Они переспросили, не врём ли мы. Мы сказали, что не врём. Тогда они засобирались вроде бы уходить, но тот, который в бандане, заметил, что у Лупика... Ой, то есть, у Паши... Извините. Заметил, что у него, в общем, карман на груди выпирает немного. И понял, что там телефон. Но Паша телефон не захотел отдавать. Тогда этот тип в бандане вынул из кармана что-то вроде ножа, но без лезвия.

– Шило, – подсказывает следователь и гасит сигу.

– Да, точно, шило. Он достал из кармана шило и приставил Паше к горлу. Не приставил, вернее, а сильно прижал прям. Я на секунду даже испугался, что проткнёт. Было похоже на то.

– Так. Приставил к горлу шило – что дальше?

– А дальше он сказал: «Доставай телефон. Если не отдашь, то будет хуже».

– Что, прямо так и сказал?

– Нет, не совсем так.

– Дословно помнишь?

– Помню. Только там с матом, – со смущенным видом Башка косится на моего папу, потом смотрит на следака. Папа молчит. – Что, прям с матом сказать?

– Да, прямо с матом. Говори как было.

– Хорошо. Он сказал: «Мобилу, сука, гони, а то я тебя убью сейчас нахуй». И еще обозвал.

– Кем?

– Пидорасом мелким. Вот.

Следак удовлетворённо кивает и записывает за Башкой всю фразу дословно. Похоже, это его любимая часть рассказа.

– Паше буквально неделю назад родители этот телефон подарили, поэтому ему было очень жалко отдавать. Но пришлось. В конце эти парни предупредили, чтобы мы никому ничего не рассказывали. Что у них связи по всему городу, и если мы кому-то расскажем, то они нас найдут и пиздец нам будет. Так и сказали. А потом свалили. Всё.

Башка хорошо рассказал. Накосычил только в одном моменте, когда сказал, что у длинного рыжие волосы. Волосы чёрные у него. Хотя, может быть, он прав. Я ни в чём уже не уверен. Я запутался.

Следак закуривает. Опять. Сколько можно? У него лёгкие из железа, что ли? Мне тоже хочется покурить. И Башке охота наверняка.

– Как ты думаешь, почему Паша родителям только на следующий день рассказал?

– Ну, он просто понимал, что тогда в милицию обращаться придётся, заявление писать. А это ведь не очень красиво.

– Почему?

– Не знаю. Но все в таких случаях говорят «мусорнулся», «к ментам побежал», всё такое.

Мой папа тяжело вздыхает. Толстый мент в углу, услышав про мусоров, просыпается.

– Все – это кто? – спрашивает следак, усмехнувшись.

– Наши друзья из старших классов. Мы к ним как раз и обратились в первую очередь. Потому что они нам всегда говорили, что заступятся за нас, если что-то такое случится. Что друзья должны впрягаться друг за друга. Но когда мы к ним обратились, они сказали, что, во-первых, не будут нам помогать, потому что у них самих проблем сейчас хоть жопой жуй. А во-вторых, грабители эти не из нашего района, так что искать их запарно. Посоветовали нам тоже отжать несколько телефонов, продать их таксистам и купить новый, такой же, как был. Сказали, что это самый нормальный варик. Но мы

решили, что не будем этого делать. А потом, насколько я знаю, родители стали у Паши спрашивать, где телефон, потому что они ему звонили несколько раз, а телефон выключен был. И тогда всё пришлось рассказать. Вот.

Нормально нагородил. Иногда Башка ловит волну и начинает трепать не по делу, с ним часто бывает такое. Следователь делает последние пометки в своей тетради и закрывает её.

– От меня ещё что-то нужно, или я могу быть свободен? – спрашивает папа. За окнами пока темно, но уже раннее утро. Ему пора на работу.

– Да, вы можете идти. А вот молодым людям придётся задержаться еще на какое-то время. Нужно сделать фотороботы и уточнить кое-какие детали.

Похоже, что это надолго.

– До свидания, – говорит папа.

– Всего доброго, – говорит следователь и добродушно кивает на прощание.

Дверь за папой закрывается. Полуулыбка с лица следователя сразу же исчезает.

– Значит так, – говорит следак и закуривает новую сигарету, – у нас тут и так дел по горло. Нечего нам мозги ебать, усекли? Давайте-ка признавайтесь.

Мы с Башкой ошалело переглядываемся.

– В чём?

– В том, что вы этот телефончик ёбанный потеряли. Или кому-нибудь впарили, а деньги все проторчали. А родителям потом лапши на уши навесили, чтобы по жопе не получить. Так ведь всё было? А? Я спрашиваю!

– Нет, всё было не так, – невозмутимо отвечает Башка. – Мы вам уже рассказали, как было.

Следователь хватает со стола переполненную пепельницу и швыряет её об стену. Пепельница не бьется, отскакивает. Многочисленные окурки высыпаются на пол. Следователь встаёт с места и ходит из стороны в сторону.

– Вот ведь уёбки, да? – говорит усатый мент из своего угла.

Глава двадцать первая (в которой я смотрю фотографии)

Мы так и не сломались, хотя уговаривали нас долго. Потом мы пересказывали эту историю снова – уже в другом кабинете, другим ментам.

Потом ещё раз, еще в одном кабинете. Потом пару раз по отдельности. Потом ещё раз письменно. И ещё. Хотелось есть. Хотелось спать. Хотелось курить. Потом ещё раз писали от руки. В каждом из кабинетов всё новые и новые менты матерились на нас за то, что мы якобы потеряли телефон и не признаёмся.

В какой-то момент они, видимо, всё-таки поняли, что мы его не теряли, и стали на нас материться за то, что мы слишком поздно к ним обратились. Потому что если бы мы обратились в тот же день, то преступников легко нашли бы по горячим следам, а сейчас уже тяжелее и вообще не факт, что получится. Хотя по каким горячим следам – непонятно. Они ведь наверняка точно так же матерились бы на нас часов восемь подряд и только потом приступили к поискам.

После всего вышеописанного нас попросили ещё раз пересказать историю устно и ещё раз изложить её на бумаге во всех подробностях. Потом ещё. И только после этого повели, наконец, составлять фотороботы. Эта их прога скорее рассчитана на уродцев из мультика про Спанч Боба, так что фотороботы получились совсем не похожими.

После составления фоторобота Башку попросили ещё разок всё пересказать, а потом отпустили домой. Во-первых, за ним приехала мама и стала качать права. Хорошая она всё-таки. А во-вторых, Башка не потерпевший, а лишь свидетель – нельзя свидетеля совсем уж доканывать, меру надо знать. Хотя он тоже мог бы быть потерпевшим. «Сони

Эриксон» лежал у него в кармане, просто Башка в пуховике был, а в пуховике можно что угодно носить незаметно. Это я, идиот, напялил демисезонную. Сам виноват.

В общем, его отпустили, а я тут остался один. Ну как один – с ментами. Уже почти ночь. Сажу перед старым жопастым монитором, попиваю паршивый чай из пластикового стаканчика. Усатый мент-жирдяй открыл мне базу данных по всем несовершеннолетним преступникам города, состоящим у них на учете. Сказал листать и на каждого очень внимательно смотреть. Записывать на листочек порядковые номера тех, кто похож на наших грабителей. А я уже, если честно, смутно помню, как именно они выглядели, грабители эти – столько раз мне пришлось эту историю ссаную рассказать. Толстяк сидит со мной рядом. Типа контролирует, но на самом деле в змейку на телефоне играет. Телефон у него такой же, как был у меня. Не тот, который отжали, а предыдущий еще, самый первый.

Наступило тупое приятное безразличие. То ли от недосыпа, то ли ещё от чего. С монитора на меня смотрят разные пацаны. Всех их на чём-нибудь засекли. Ухмылки, кофты-кенгурухи, спортивные костюмы, рэперские кепки, ссадины, шрамы, фингалы, короткие причёски, засечки на бровях, клипсы в ушах, патрули, джинсы-трубы, джинсы-узкачи, спортивные, напульсники, спортивные костюмы, красные волосы, розовые волосы, сальные челки, голубые глаза, карие глаза, злые глаза, взорванные капилляры, оскаленные зубы, сжатые кулаки, выбитые костяшки, проколотые языки. База кажется бесконечной. Иногда попадаются похожие на наших грабителей, но я не записываю. Просто листаю. Всё чаще и чаще попадаются друзья и знакомые. Все они здесь. Чокопай, Якудза, Ток, Дантист, Коктейль, Крюгер, Гусь, Тоник, Космо, Чикен, Лобстер, Джеймс... Все они здесь, в этой базе. Я листаю. Надеюсь найти среди них себя, но знаю, что не найду. Никогда не стану одним из них, но вечно буду на них похожим.

– Ну что, как успехи? – говорит мне мент-жиробас, не отвлекаясь от игры.

– Охуительно, – говорю я ему и листаю дальше.

Май – август 2020